

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 Février 1936

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

25 ФЕВРАЛЯ 1936 г.

193

25 ЛЮТОГО 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

Содержание:

1. Иван Назаров: «Изменник».
2. В большом свете.
3. Трагедия Казачества.
4. Чужинец: Пугачев и Янцкое Казачество
5. Свидетельство врага.
6. Н. Алифанов: Мой уход с Дона.
7. Н. Лапин: За что?
8. Е. Булавин: Иван Тамлык.
9. Казачья Эмиграция.

Почтовый ящик:

Бельфор: Ф. Ж. Получено. Спасибо. Привет.
Смедерево, И. С. Получено. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Ужице, П. Т. Получено. Будет напечатано в след. номере. Привет.
Суботица, И. Ш. Будет напечатано в след. номере. Привет.

Виши: С. Ч. Будет напечатано. Привет.
Луцк, Г. Д. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Польша: А. С. Получено. Будет напечатано. Привет.
Санс: А. К. Получено. Спасибо. Привет.
Валянс: И. З. Получено. Спасибо. Привет.
Ницца: Н. Т. Получено. Спасибо. Привет.

ОДНОДНЕВНАЯ СВОБОДНАЯ КАЗАЧЬЯ ТРИБУНА.

Объединение казаков-черкасцев устраивает 1 марта в 14 ч. (27, бульв. ля Тур-Мобур, метро: Ля Тур-Мобур) однодневную свободную казачью трибуну.

По приглашению организаторов, Походный Атаман ВК инж. И. А. БИЛЫЙ изложит решение казачьего вопроса с точки зрения ВК. Точку зрения русских казаков будет защищать И. П. БУДАНОВ, а идею федерации — проф. С. Г. СВАТИКОВ.

ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

В следующем номере будет дано юридическое разъяснение вопроса о воинской повинности во Франции для казачьей эмиграции.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ.

Редакция «ВК» организует бесплатную юридическую помощь (консультацию) для вольных казаков.

КО ВСЕМ КАЗАКАМ.

По инициативе вольных казаков решено поставить хотя скромный памятник герою восстания донских казаков в 1918 году, первому взявшему Новочеркасск, умершему 16 сентября 1934 года здесь, за границей, генералу М. А. Фетисову.

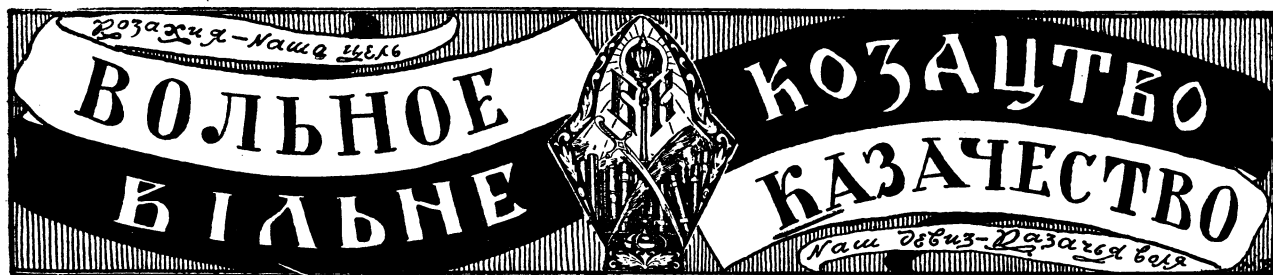
С этой целью в городе Сансе образована особая комиссия, в задачу которой входит собрать нужные средства, купить необходимое место на кладбище, перенести туда прах покойного и поставить самый памятник.

В состав комиссии вошли: председателем — А. А. Ченцов (казак ст. Андреевской), казначеем — А. П. Киреев (ст. Нижне-Курмоярской), членами — П. А. Текучов (ст. Верхне-Курмоярской) и И. А. Ченцов (ст. Андреевской).

Все казаки приглашаются внести хоть небольшую лепту на сооружение памятника донскому герою, казачу ген. М. А. Фетисову.

Пожертвования направлять по адресу казначея комиссии А. П. Киреева:

М. А. Kireeff, 16, rue Beaurepaire, Sens (Yonne), France.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 193

Вторник 25 февраля 1936. — Вівторок 25 лютого 1936.

№ 193

Иван Назаров

«Изменник»

(Продолжение).

IV.

На другой день «изменник» Калмыков, один из храбрейших офицеров Войска, и Ревекка Мендельсон, как одна из виднейших звезд Минского «комсомола», — как муж и жена, выехали в Минск. В лучшей гостиннице он взял лучший номер и в нем новые супруги три дня безвыходно сгорали в огне безумной страсти.

Страсть ее была действительно неугасима и пламенные губы ее, казалось, пили кровь его с неумолимой жаждой.

Через несколько дней Ревекка ушла в «совет» и принесла Виктору назначение на пост Бобруйского комиссара, под именем товарища Морозова. С тех пор на кровавом горизонте советских дел появляется грозное имя комиссара Морозова и его секретарши под псевдонимом «Маруся». А вскоре той же кровавой чертой отмечается на Дону так называемая «Калмыковская измена».

V.

В то время, как Виктор «валандался» с еврейкой, — на Дону, в хуторе Висло, где жил отец его, урядник Артем Калмыков, произошло следующее:

В конце декабря из 2-го полка, с фронта, в хутор вернулись два старшие брата Виктора — Алексей и Григорий — «свет и радость» старика Калмыкова.

Одни из первых они оба стали сейчас же, по приказу отца, в ряды первых боевых дружин...

Один, со «старухой» своей, остался Артем в опустевшем доме, со дня на день с нетерпением и беспокойством ожидая прихода третьего сына — любимца матери — Виктора. Но третий сын «о себе не казал» и о нем долго, как говорят казаки: «не было ни слуху, ни духу».

Как вдруг, пришло письмо и будто обухом по голове ударило старых родителей.

Сын писал: «Дорогие папаша и маменька!» — так же, как издавна все казаки начинают свои письма к родителям. «Простите меня — не проклинайте... но и не ждите домой... Я пропал навсегда... ибо пошел в другой свет — за другой звездой и за красною правдой. Я перешел к врагам Казачества и стал изменником. Почему, отчего — знает Бог... и пусть Он меня судит. А Вы простите. Ваш сын **ВИКТОР**.

Прочел старик и занемел над письмом. Не выдержало страшного удара выдавшее виды казачье

сердце... Два раза рукавом «смахнул» он капли слез, невольно вырывавшиеся из сердца. А мать... только вскрикнула и упала, как пораженная стрелою в сердце, и до поздней ночи ее «отливали» холодной водой сбежавшие на крик соседи.

Каждый день после того она неутешно, как начнет молиться, рыдает по нем, как по погибшем, — даже больше того, ибо «измена» у казаков — страшнее смерти.

Но что ж делать?! — как говорят казаки: «Его святая воля... и, значит, так на роду ему написано... быть изменником в те дни, когда всем надлежало быть героями... Так думал старик Калмыков, угрюмо сдвигая брови над еле затуманенными скрытой слезой глазами.

Однако, на другой день, когда старик Сережников, по соседски, спросил его о «третьем сыне», он хмуро сказал:

— Нет у меня третьего сына.

— Как так нет? — удивился сосед и сердито кинул взгляд на Артема.

— Да так — нету и все!

— А Виктор, что-ж... аль, не сын твой?! — процедил дед Сережников раздельно и строго.

— Нет... и не было такого! — отрезал Артем сухо и, круто повернувшись, ушел.

Тут только понял старик старика и тут только старый сосед уверился, что с Виктором «что то неладное» и что, если отказался от него Артем, наотрез отказался, то видно дело и взаправду серьезное.

Мучимый позором сыновней измены, Артем написал сыновьям на фронт и грозно завещал им: «коли встретите в бою — убейте его, как бешенную собаку, и собакам бросьте тело его, ибо нет позора хуже измены».

Братья в это время боролись на фронте. Были в отряде Семилетова под Морозовской, участвовали в боях под Таинской, а теперь — на подступах к Новочеркаску.

И тут то, в эти страшные дни, когда силы одних со дня на день росли и умножались, а силы других с каждым днем таяли, как последний снег, в эти туманные сумерки, в один из этих дней — оба сына старика Калмыкова подверглись страшной опасности и только перст Божий, видимо, хранил еще их.

В сумрачный и туманный вечер конца января

раз'езд из 30-ти всадников, под командой сотника Климова, выступил в набег, имея целью, прорвав сторожевую цепь противника, уйти в тыл его и произвести там рискованную разведку.

Оба брата Калмыкова ехали рядом в хвосте взвода. Старший, Алексей, был хмур, будто в предчувствии надвигавшегося над ним несчастья. А Григорий, всего приказный по чину, был весел, шутил и на ружьяном, чуть калмыковатом лице его, светилась бесшабашная удаль.

Часов в 5 вечера «сняли» пост противника и «прорвались» благополучно. Спустились в какую-то балку и балкой на рысях вышли в небольшой вербовый перелесок. Падало солнце и приближался мрак. По перелеску шелестел холодный ветер. Вдруг у коня Алексея лопнула подпруга. «Примета не к добру», подумали казаки взвода, а он, хмурый по прежнему, спрыгнул с седла и стал перестегивать ремень, будто не думая о примете.

Григорий сейчас же выехал из строя и стал его ждать, чтобы не оставить брата, но тот крикнул ему, чтобы ехал со взводом.

— Сейчас догоню! сказал он уверенно. — Конь у меня, слава Богу, надежный.

Но не в добрый час, видимо было это сказано. Едва он поправил ремень и вскинул ногу, чтобы «ухватить» стремя, как вдруг кто-то сзади, неожиданно и внезапно, рванул его вниз за плечо. Алексей упал и, как на грех, выпустил повод. А через минуту двое с винтовками его обезоружили и повели через лес, как пленного. То были два большевика, оказавшиеся скрытыми тут же, в кустах терна. Песня казачьей жизни была, казалось, спета.

Конь Алексея карьером догнал раз'езд — один, с седлом, без всадника.

С тяжелой тревогой о судьбе брата, Григорий со своим двоюродным братом Суровцевым бросились на конях назад. Нашли сейчас же «жмотанное» место и след трех пеших, ведущий в лес. Не теряя ни секунды, с бьющимся сердцем, Григорий передал своего коня Сурцову, приказав ему ехать «назирком» за раз'ездом, а сам, пеший, бросился в лес. Долго бежал вперед, то по внутреннему чутью какому-то, то «наудачу», по чисто казачьей сметке. И не даром. Из-за гущи деревьев он увидел три тени. «Они!» крикнул в нем кто-то. Двое с винтовками на перевес вели третьего.

Как волк на бегу, он стал, глянул во все глаза и угадал — он. Его фигура, его походка. «Они!» — сомнений нет. Что делать? Стрелять, мелькнула, как молния, мысль. Но как стрелять? Нельзя подымать тревогу из-за раз'езда, да и убьют они его сейчас же. Это верно. Догонять — заметят, начнется бой и опять «они» сперва убьют брата. Что же делать? А делать что то надо, ибо «они» идут и идут. Время летит, раз'езд уходит, к тому же становилось темнее, близка ночь. Кольцо опасности суживается с каждой минутой.

И вдруг, будто кто то шепнул ему ясное, как белый день, решение — «забежать», вперед и напасть из засады.

Под влиянием этого решения он бросился в стору от «них» и побежал. Бежал и падал, опять бежал и снова падал. Подымался и через силу бежал дальше, все же украдкой следя за ними, все оглядываясь на них и сообразуя свой бег со скоростью их хода. Наконец, он обогнал их. Вот дорожка, по которой они пройдут «должно быть». Ну да... она, ибо «они» свернули влево, идут к нему. Их двое и брат между ними. Его, «калмыковская», с покачиванием походка.

Григорий, как по приказу, стал вдруг в «засаду» за дерево и ждал. Вот тут, как покажутся на прогалине, «вдарю раз из винтовки» думал он, соображая и стараясь запомнить план действий. «Потом буду рубить» — как и кого, он еще не знал точно, как не знал и того, что из этого выйдет. Но вышло иначе.

Когда «они» приблизились, он не стрелял и, будто

по чьей то новой команде, выпустил из рук и положил на землю винтовку. Но той же внутренней командой, он схватил револьвер, о котором до того забыл, взвел курок, припал плечом к самому дереву и «затаился». Когда «они» были уже совсем близко, Григорий бросился на них, как зверь, и «первого» «вдарил» из револьвера прямо в грудь, почти в упор, по счастью для себя, в сердце. «Он» вскрикнул и упал, как мешок «навзничь». «Другой» заторопился и в упор выстрелил в Григория, но стрелял без прицела, «на ура» и промазал. Пуля чуть зацепила шинель и пробила ремешок пояса. Григорий выстрелил в него из револьвера, но сгоряча промахнулся тоже. «Вдарил» в другой раз и тот упал, вскинув руками, как подстреленный гусь вскидывает крыльями. Пуля попала в лоб...

Так Григорий спас брата.

Однако, настоящее спасение было еще далеко, ибо найти раз'езд ночью было бы глупо надеяться, а вернуться к своим можно лишь, пробившись через большевицкое охранение.

Поцеловавшись по братски и помолвившись Богу на радостях, братья стали обдумывать план дальнейших действий. Долго не думали — решили отдохнуть тут же в глубине леса до полного мрака, а ночью идти к своим позициям, как Бог даст и что будет.

Приведя себя в полный боевой вид, взяв патроны от мертвых и винтовку для Алексея, братья приблизились к опушке и стали ждать пока догорит заря, напряженно прислушиваясь ко всякому звуку. Стало холодать. Темные хмурые облака, будто черные брови, сдвигались над потухающей зарей январьского вечера. Колочая изморозь леденит туман и он серебристыми нитями из льда ложится на голые скелеты деревьев. Ветер от Дона шумит в кустах и изредка заносится издали глухой отзвук оружейной стрельбы.

Наконец, совсем стемнело. Где то недалеко, в балке жалобно и уныло завыл волк.

— Не на беду ли? — тихо сказал Алексей брату.

— Бог не выдаст — свинья не съест, ответил Григорий уверенно.

Они поднялись, вышли на дорогу и быстрыми беззвучными шагами двинулись в направлении своих позиций, держа винтовки в руках, с курками на удар — на всякий случай.

Не прошли и версты, как вдруг из-за поворота дороги раздался конский топот. Видимо, раз'езд шел рысью им навстречу.

«Наш» невольно бросилась к сердцу радостная мысль. Но, на войне не верят первому впечатлению...

Как встревоженные волки, бросились братья прочь с дороги и «упали» в куст терна, лежа без движения, как мертвые. Раз'езд подошел и перешел в шаг. Чуть «мырели» в темноте фигуры всадников. По звуку копыт — их было человек 20. Голова раз'езда прошла. Несколько лошадей сдержанно фыркнули и щелкнув в задних рядах характерный удар подковы о подкову... Еще несколько тревожных мгновений и раз'езд уйдет, а через минуту и вовсе проглотит его непроглядная темнота ночи.

Но вот у самого куста, где лежали братья мелькнула какая то тень, а вслед за тем злобно, с характерным визгом извещения, залаяла собака. В тот же момент, по чьей то резкой команде, раз'езд бросился с дороги и окружил куст. Два выстрела вырвались из него, но дальнейшая борьба была слишком неравной. Окруженные со всех сторон, ослепленные электрическими фонарями, братья были схвачены и обезоружены...

Видимо спеша, красный офицер передал их конвою из трех всадников и на рассвете, когда яркая заря золотила небо, а утренний туман растворялся в чистом воздухе и будто радовалась земля, посылая привет восходящему солнцу, в это время два брата под конвоем входили в Шахтную.

VI.

Три дня и три ночи братья сидели в каком то погребе, где кроме них было еще шесть казаков, таких же пленных. Их кормили раз в день, при чем давали какое то «пойло» с грязными отрубями, как свиньям, по куску хлеба в пол фунта весом и по две папиросы на человека.

— На черта вам больше, — с хамской улыбкой говорил казакам какой то тверской Митюха, — все равно расстреляют.

И был по своему прав, ибо копить жир для гроба, конечно, не было смысла.

Их «допрос» между тем замедлялся, как говорили конвойные, из-за того, что комиссар уехал в другой район и скоро должен вернуться.

— А кто комиссар? — спросил Алексей одного из своих пленных собратьев.

— Какой-то Морозов. Кат, говорят, и с ним какая то девка — жидовка.

— А на черта девка? — спросил, улыбаясь, Григорий.

— А как же? — отвечали казаки уверенно. — Без девок и без жидов большевики ничего не могут. Комиссар допрашивает, а она пишет.

— Да как она может и пишет-то не то, что полагается! — сказал Григорий злобно.

— А черт ее знает, чиво она пишет. Только, брат, — добавил казак, — пишет. Никто, говорят, у них не срывается. Всем петля или стенка, — чисто работают.

— А я слыхал, — сказал другой, — что насчет разбойников, махновцев и шпионов этот самый Морозов очень даже строг, а что казаков будто не трогает.

— Ну, уж это вовсе чудно, — сказал Алексей с насмешкой и негодованием.

— Ничуть и не чудно, — сказал тот же казак с упорством. Требуется, чтобы служили у них и будто потому, что кавалерия у них г...ная.

— Все может быть, — сказал Григорий с презрением. А если и не так, так раз умирать, как говорили наши прадеды... И, пустив крупное ругательство, закурил большевистскую папиросу.

VII.

Пришел и день допроса. Всех пленных казаков вывели из погреба и под конвоем долго куда то вели по грязным улицам, пока не пришли к какому то каменному дому. Тут ввели в конюшню, поставили часовых и стали по одному вызывать к комиссару. Допрошенных куда то уводили под другим конвоем.

— Куда их уводят? — спросил Григорий одного из конвойных.

— Может и в тюрьму, если не побьют по дороге, — отвечал тот, весело улыбаясь.

Последними вызвали братьев Калмыковых обоих вместе. Поднявшись на крыльцо, вошли в чулан и стали в передней пустой комнате с большим окном в сад. Тесовая дверь впереди была закрыта. За ней слышался разговор — звучный женский голос, другой мужской и — вдруг взрыв чисто девичьего смеха. Как странно было слушать смех из той комнаты, откуда неизвестно куда уводят допрошенных. Потом дверь дрогнула. В растворе ее появилась молодая, пышущая здоровьем и красотой девушка.

«Видно это и есть та самая девка — жидовка, о которой говорили казаки», — подумали братья и не ошиблись.

Бросив беглый взгляд на «пленных», девушка сказала:

— Входите.

Переступив через высокий порог, братья вошли в канцелярию комиссара. Комната была красиво меблирована. Турецкий диван, мягкие кресла. Картины на стенах. На окнах богатые цветные шторы. Прямо перед ними большой письменный стол, а за ним, спиной к вошедшим, лицом к окну, глядя в него, стоял какой то статный военный. Девушка вышла зачем-то в другую комнату. Конвой остался в передней.

«Броситься на него и прыгнуть в окно», — мелькнула буйная мысль в бесшабашной голове Григория, но в тот же момент, будто угадав его намерение, комиссар обернулся и братья с ужасом узнали в нем Виктора. Он вдруг поблдевел, как стена. Его губы дрогнули. Он чуть не бросился к ним... Но сейчас же усилием воли он удержал себя, видимо все переборол в один миг и, приложив руку к губам, особенным выражением глаз сказал им: «молчите!»

Братья поняли все, что без слов сказал он, и когда через минуту вошла еврейка, «допрос» имел все данные вестись именно так, как обычно ведутся подобные допросы.

Медленно, будто с обычным видом, комиссар сел за стол и стал допрашивать братьев, ни одной чертой лица не выдавая своей новой роли.

Братья отвечали, тайно улавливая смысл его навоящих вопросов. Подробно говорили о том, о чем не было риска и ответственности говорить, и молчали, когда рука комиссара будто случайно ложилась на его губы.

Девушка молчала и быстро записывала, чуть скрипя пером, ответы военно-пленных.

Допрос подходил к концу, как вдруг «Маруся», бросив беглый взгляд на комиссара, спросила:

— А согласны ли вы служить у нас?!

— Нет, — резко отрубил Алексей.

— А если мы расстреляем вас, улыбнулась мило, но с особенным значением она.

— Все равно, стреляйте...

— А вы? обратилась она так же мило и так же чуть издевательски к Григорию.

— Где брат — там и я, — ответил Григорий с вызывающей улыбкой.

— Странные люди, сказала девушка чуть с угрозой. Брови ее у красивых глаз сдвинулись...

— Не люди, а казаки! — ответил Григорий дерзко.

Глаза помощницы комиссара засверкали как угли. Злобное пламя мести вырывалось из них наружу.

Тогда в роли комиссара встал Виктор. На миг вспыхнуло лицо, но сейчас же стало холодным, как мрамор. Чуть надменно и повелительно он глянул на девушку и сказал, под улыбкой скрывая злобу:

— Пожалуйста, принеси мне папиросы, Маруся.

Видимо раздраженная, девушка вышла в другую комнату.

Виктор быстро наклонился над столом и, написав несколько слов, передал записку Алексею. Тот скрыл ее под борт мундира, а когда вошла его помощница, комиссар любезно улыбнулся ей и стал попрежнему равнодушным к пленным.

Наконец, «допрос» кончен. Братья вышли и их повели, но не туда, куда всех, а в то же погреб.

Улучив минуту, когда часовой дремал, сидя на бревне с зажженной папиросой, братья прочли таинственную записку брата. В ней стояло: «Братья — я спасу вас, идите куда пошлют. Виктор».

Луч счастливой надежды блеснул в затуманенных отчаянием сердцах. Перекрестились с облегченной душой и стали ждать, что будет. Вечером на другой день их отвели на другой край города и присоединили к другой партии пленных, где оказались и те 6 казаков, с которыми их допрашивали у комиссара. Всех вместе сейчас же «погнажи» на Керчик.

— Куды-ж это в ночь? — спрашивали пленные у конвойных.

— Так приказал комиссар! — был ответ.

И партия в 26 человек, под охраной 10-ти конвойных, двинулась в путь пред самые сумерки.

— Чиво ж вас так мало? — шутили казаки, спрашивая конвойных.

— А черт его знает, нашего комиссара! — хмуро отвечали товарищи и, видимо, не ощущали в себе особой храбрости.

Едва вышли из шахт, как совсем стемнело. Упала темная туманная ночь.

(Продолжение следует).

В большом свете

Самым животрепещущим вопросом «текущего политического момента» в большом международном свете является сейчас вопрос о войне, о большой войне. При чем, вопрос не стоит уже о том, будет война или не будет войны, а говорят теперь о том, *когда* будет война, *кто* и *когда* ее начнет, *кто* в нее будет втянут, как поделится при том государства и кто войдет в какую коалицию.

Современная лихорадочная деятельность дипломатии, разные официальные и неофициальные поездки глав или государственных деятелей различных стран, резкое увеличение военных бюджетов в некоторых государствах и рост повсюду военных вооружений — все это свидетельствует о том, что мир, действительно, готовится к новым большим событиям.

Эти большие события каждая страна видит, или предвидит, по своему. Так, напр., пражская газета «Народни Политика», в номере от 21 сего февраля, следующим образом рисует нынешнюю международную обстановку и намерения некоторых государств антисоветской «ориентации»:

«Со всей определенностью можно сегодня утверждать, что между Германией и Японией не существует договора об общем военном походе обоих держав против Сов. России. Существует только соглашение о согласованных действиях в тех частях собственных планов, в которых потом, во время событий, оказались бы «точки соприкосновения». Токио не примет участия ни в чем, что входит в сферу исключительно немецкой политики в Европе и что каким-либо образом могло бы способствовать еще большему сближению Англии с СССР и тем увеличить английское «давление» в Китае. Это значит, что Токио останется совершенно незаинтересованным в немецкой политике по отношению Чехословакии, Австрии и Франции, что представляет «группу немецких интересов номер 1». Напротив, общим пунктом является немецкая политика на сторону России... — Германия сохраняет такую же «холодную» незаинтересованность ко всем действиям Японии в Манчжурии и Китае, пока они не вызвали бы дальнейшего сближения Англии и СССР, а тем и увеличения «давления» в Европе. Германия, с своей стороны, не примет участия ни в чем, что бы поддерживало Японские действия, входящие в группу японских планов номер 1. Но Германию уже «интересует» та часть японской политики, которая касается манчжурской акции против внешней Монголии, в случае русского отступления перед японско-манчжурскими видами на сибирские территории Сов. России (немецкий план номер 2)».

Касаясь далее немецкого «малого плана 1», газета излагает его так:

«Основа этой средневропейской програм-

мы покоится на подготовке действий, которые сломили бы общую тенденцию, определяемую политикою Франции в Лиге Наций и далее в средней Европе, как она формулирована была в парижских переговорах во время посещения (Парижа) чехословацким министром-председателем др. Годжой. Введение войск (немецких) в разоруженную область на Рейне предпрешено как самостоятельная «подготовительная» акция... Немцы утверждают, что это введение войск (в демилитаризованную зону) будет осуществлено еще в этом году, очень скоро после окончания Олимпиады. Англия это действие, будто бы, не будет считать поводом к вмешательству, а тогда и Франция ограничится одними дипломатическими протестами. На те протесты немцы ответят, что введение ими войск в демилитаризованную зону на Рейне явилось необходимым с точки зрения германской безопасности, которой грозят антигерманские военные союзы. — Вторым этапом явится акция против средней Европы, конкретно — против Чехословакии и Австрии... Подробности плана известны в Токио, но его осуществление не связывается со временем начала такой же японской политики на Дальнем Востоке. Немцы стремятся построить все на предположении, что сопротивление Чехословакии и Австрии будет преодолено раньше, чем дойдет к общему сотрудничеству на дальнейшем плане номер 2».

Этот план номер 2, немецкий «большой план», интересует уже и нас, так как касается Сов. России». «Народни Политика» излагает его так:

Берлин в этом направлении до сих пор не выбрал еще между Англией и Польшей. Германские военные круги думают, что в случае, если дойдет к столкновению немецких и русских сил, германской армии удастся задержать французов в укрепленной (ныне демилитаризованной) Рейнской области и разгромить Чехословакию и Австрию. Англия тоже принуждена будет разделить свои силы на три части: во Франции, где будет задержана, на Дальнем Востоке и, наконец, в Средиземном море. Германское проникновение на Украину будет лишь вопросом времени и хорошо разработанного сотрудничества армии немецко-польской. Начало действий на Украине будет поддержано уже вполне развернувшейся акцией Японии против Монголии и русской Сибири. — Таким образом, решено, что японцы начнут свою акцию раньше, чтобы связать часть русских сил на Востоке. Германия решила, только выждав результатов действий японской армии, начать наступление, главной целью которого было бы овладение средней Европой и развал Сов. России. А потом — говорить с Францией и Англией о мире».

— Мы намеренно привели выше такую полную выдержку из самой распространенной праж-

ской газеты, чтобы показать, в какой стадии обсуждаются уже «военные вопросы» сейчас европейской прессой.

В какой мере картина, нарисованная «Н. П.», отвечает правде, покажет — и, очевидно, скоро — будущее. Но... 23 февраля парижские «П. Н.» принесли известие, что ген. Геринг, охотившийся в Беловежской пуше, «предложил Польскому правительству военный союз с Германией «для уничтожения большевицкой угрозы»... А сами «П. Н.» в тот же день, на вопрос: «Что ждет Европу в 1936 году?» отвечают так: ...«Если никто не может с уверенностью сказать, что именно в этом году разыграются решительные события, то зато не подлежит почти сомнению, что факты, эти события подготовляющие и приближающие, свершатся. На первой очереди стоит, по единодушному мнению английских газет, ликвидация прирейнской демилитаризованной зоны, — подготовительная операция к действиям на Востоке. Германия не может ничего предпринять в Восточной Европе, не обеспечив своего западного тыла»...

— Что же происходит в большом свете сейчас, каковы же эти «события, подготовляющие и приближающие»? Какова международная ситуация сегодня и что можно ждать завтра — накануне «решительных событий»?

Европа постепенно делится на два лагеря. Создаются два блока, две коалиции европейских государств. Одну из этих коалиций окончательно создает франко-советский пакт, ратификацией (утверждением) которого как раз эти дни занимается французский парламент.

Франко-советский пакт подписан был еще Лавалем (премьер-министром и министром иностранных дел) 2 мая прошлого года при посещении им Москвы. Но тот же Лаваль всячески оттягивал потом ратификацию пакта (без чего он не мог вступить в силу). И нужно было, чтобы министерство Лавала пало, а на его место пришло к власти во Франции министерство более левое, чтобы вопрос о ратификации пакта с советами был, наконец, поставлен на очередь дня. Тем не менее, даже теперь, когда ратификация считается предрешенной, сама процедура ее затягивается. Происходит это потому, что ни в прессе, ни у общественного мнения, ни во французском парламенте нет единодушия по данному вопросу и, наряду со сторонниками союза с Москвою, во Франции есть и его страстные противники. (Левые за, правые — против ратификации).

Актом ратификации франко-советского пакта к советско-французскому союзу формально присоединится и Чехословакия, подписавшая с Советами договор, аналогичный договору франко-советскому, но вступающий в силу с момента ратификации этого последнего.

Таким образом, Франция и Россия возвращаются к довоенному союзу. К этому союзу присоединяется Чехословакия. Что касается остальных членов Малой Антанты, то хотя они и вхо-

дят в сферу влияния преимущественно французской политики, но более вероятно, что к франко-советскому союзу каждое из государств займет свою собственную линию поведения, предсказывать которую наперед пока нет смысла.

Вряд ли можно говорить о том, что к франко-советской коалиции примкнет непременно вся Балканская Антанта (Турция, Греция, Румыния и Югославия). Пока союзом с Советами связана только Турция.

Что касается Англии, то в настоящее время она, видимо, благосклонно относится к франко-советскому пакту, но свяжет ли она больше свои руки какими-либо обязательствами по отношению к новому союзу — сказать об этом еще нельзя ничего.

Франко-советский пакт, особенно во французской прессе, вызвал горячие споры. И неизвестно еще, пойдут ли еще французы защищать большевиков и на деле, если самой Франции непосредственной угрозы не будет... Как точно также неизвестно, будут ли выручать «товарищи» Францию, если ими самим не будет ничто угрожать!..

В то время, как Франция «спешит» с ратификацией франко-советского пакта, даже теперь, весьма медленно, эта медленность вызывает в Москве большое недовольство. Самый пакт Москва считает «плотиной против военной опасности» («Правда», 18 февраля). Ратификация пакта или не ратификация его, по мнению «Известий» (15 февраля), «решит судьбу коллективной безопасности в Европе».

Почему же Франция не спешит, а большевики предпочли бы поспешить с ратификацией? — А потому, очевидно, что (как пишут «П. Н.» 13 февраля) — «Вся Европа вообще находится в тревожном настроении. Россия же в частности — в исключительно тревожном»..

Вполне понятно, что франко-советский пакт встречен не особенно дружелюбно в Германии — и в прессе, и в сферах правительственных. — «Только народы, которые, подобно Германии, находились на краю большевистской бездны, — пишет «Фремденблат», — понимают, как страшна эта опасность. Но вместо того, чтобы быть благодарными человеку, спасшему Германию от московского владычества, вместо того, чтобы организовать единый фронт борьбы с большевизмом, эти народы, которым рано или поздно самим придется выдержать ту же борьбу у себя дома, ныне братаются с красной Россией» («П. Н.», 10 февраля). — «Берзен Цейтунг» считает, что «Франция и Россия замыслили этот пакт с намерением осуществить в момент, который они найдут удобным, свои военные планы»... — «Дейтше Альгемейне Цейтунг» полагает, что «теперь, после заключения франко-советского договора, судьбы мира оказываются в руках москвичей»..

23 февраля в своей Магдебургской речи д-р Геббельс сказал, что «Германия относится

к этому договору весьма отрицательно» («П. Н.» 24 февраля).

Недовольны в Берлине и поведением Англии, благожелательно относящейся к ратификации франко-советского пакта. — «Берлинер Тагеблат» (14 февраля) пишет: «Понижение идеалов Англии, которая никогда не имела мужества посмотреть правде в глаза в отношении того, что делается в России, соединяется в этом случае с эгоистической политикой»...

Другая немецкая газета — «Франкфуртер Цейтунг» — (3 февраля) сообщала, что «Англия, опасаясь японской экспансии, сближается с СССР на почве дальневосточной политики. Англичане большевикам не сочувствуют, но знают, что СССР является противником японской экспансии. Именно ввиду этого факта Англия в последнее время поддерживает политику франко-советского сближения»...

Один французский журналист (д-Ормессон, «Фигаро», 10 февраля) так объясняет поведение Англии: «Если Англия определенно враждебна всякому плану германской экспансии на Восток, т. е. если она не желает русско-германского конфликта, то, главным образом, потому, что Япония использовала бы его в своих интересах и в самом широком масштабе»...

Зато довольны теперешней Английской позицией в Москве:

«Советская печать с удовлетворением отмечает улучшение англо-советских отношений, сказавшееся, в частности, в приеме, оказанном в Лондоне Литвинову и Тухачевскому Иденом и королем Эдуардом. — СССР поддерживает Англию в итало-абиссинском конфликте. Намечается соглашение между Англией, Францией и СССР. Кабинет Сарро встретил в Москве благоприятное отношение. Особенное удовлетворение вызывает предстоящая ратификация франко-советского договора. — Итало-абиссинский конфликт имел последствием ослабление роли Италии в международных делах. Кроме того, в Риме теперь все более ориентируются на Берлин. Для Сов. России возникает возможность занять место Италии на фронте Стрезы. — Угроза, нависшая со стороны Германии над демилитаризованной зоной и над Балтийскими государствами... должна побудить Париж, Лондон и Москву совместно обсудить вопрос о сопротивлении в рамках Лиги Наций. В этом отношении имеют значение беседы Тухачевского с представителями французского и английского генеральных штабов, хотя они носили общий характер». («П. Н.», 4 февраля):

С своей стороны, мы позволим себе усомниться в том, что предметом бесед красного маршала Тухачевского с представителями французского и английского генеральных штабов была именно «угроза, нависшая... над Балтийскими государствами»...

Но, если Москва довольна, в общем, сейчас Парижем и Лондоном, то Римом она определенно недовольна. «Правда» в резком тоне возра-

жает на антисоветскую кампанию, которая ведется в настоящее время итальянской печатью. Орган коммунистической партии особенно негодует по поводу статей Франческо Коппола, «известного своей клеветой на СССР», опубликованных в «Газета дель Пополо». «Правда» подчеркивает, что Копполо не может отрицать того факта, что Англия и Франция ищут советской дружбы, которая стала одним из важнейших факторов международной политики. «Однако, со свойственной представителям фашистского ничтожества, манией величия, он заявляет, что славная задача защиты цивилизации против большевицкого варварства лежит на Германии и Италии»... («В.» 3 февраля):

О сближении между Италией и Германией пишет одна провинциальная французская газета так: «Сходство положения между Италией и Германией становится все более разительным. Оба государства фактически выключены из мирового хозяйства. Отсюда родился экономическое притяжение, потом — взаимная симпатия, подготовленная печатью. Так начинаются глубокие процессы, ведущие к радикальным переменам в международной политике»...

22 февраля «П. Н.» поместили следующее сообщение из Рима: «Между Римом и Берлином ведутся переговоры об итало-германском соглашении, касающемся локарнского договора, в предвидении ратификации французским парламентом франко-советского пакта. — Германский посол выехал в Берлин с ответом Муссолини на вопрос Гитлера о том, как Италия относится к соглашению между Францией и СССР. Считается возможным, что Италия пойдет на значительные уступки для установления единой позиции с Германией»...

Чтобы закончить обзор международной ситуации сегодняшнего дня, приведем еще оценку Польской внешней политики, данную ей французским официозом министерства иностранных дел (газета «Тан») после недавней сеймовой речи полковника Бека. Французская газета напоминает, что «со времени заключения польско-германского договора, непрекращающаяся ориентация Польши на Берлин не могла не обратить на себя внимания... Несомненно, что ориентация эта радикально изменила обстановку в Европе... — Следуя примеру Германии и орудуя теми же аргументами, что и рейх, Польша старалась всячески помешать заключению восточного пакта. Она открыто высказывала, по отношению к Советской России те же опасения, что и Германия. Она охотно вступала в контакт с венгерскими кругами, не скрывающими своих планов образования германо-польско-венгерского блока»...

Какой же из всего этого вывод мы можем сделать для себя?

А вывод все тот же:

Без «больших событий» мы своего вопроса не решим. Но и на большие события можем

рассчитывать лишь в том случае, если сами не будем сидеть сложа руки, если сами будем действовать — и действовать удачно, если сами сумеем в максимальной мере использовать всякие события. В противном случае, нам не помогут никакие события — ни большие, ни малые. Го-

тового никто ничего на стол нам не положит.

Поймут ли это казаки?

Вольные казаки должны сделать все, чтобы это поняли все казаки — и как можно скорее.

В крайнем случае, — ждать мы, конечно, всех не будем.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть III.

(Июнь-декабрь 1919 г.)

НОЯБРЬСКИЕ БОИ.

Красные преследуют белых.

(Схема 15).

Пока руководители белого движения и их казачьи пособники были заняты подготовкой и осуществлением переворота на Кубани, красное командование достигло весьма больших успехов в борьбе с антибольшевицкими армиями на длинном фронте между р. Доном и р. Десной.

К первым числам ноября 1919 г. советские армии разбили и отбросили на юг войска Деникина на больших просторах земель в треугольнике, основанием которого являлась линия г. Воронеж — устье реки Сейма, а вершиною — город Орел.

Ведя упорную борьбу с казачьей, кавказской и украинской самостийностью, ген. Деникин в то же время искал помощи у поляков. Польское Правительство решило не вмешиваться в борьбу Деникина с Лениным. Последний не имел сил для одновременной борьбы и против Деникина и против Польши. Вследствие этого осенью 1919 г. на польско-русском фронте, в общем, установилось затишье, что входило в планы красной Москвы.

Летом и осенью 1919 г. разгромив армии адмирала Колчака и безостановочно отбрасывая их остатки все далее на восток, во второй половине октября того же года разгромив Северо-западную белую армию на подступах к Петрограду и загнав ее к границам Эстонии, установив известного рода равновесие на своей западной границе, Советская Россия сосредоточила теперь все свое внимание на ликвидации Южного анти-советского фронта.

Поэтому 4-го ноября командующий Южным советским фронтом генерального штаба полковник А. И. Егоров поставил своим армиям следующие задачи:

1) 12-й армии с целью прочного обеспечения Киевского района выйти на линию Казатин-Белая Церковь - Гребенка - Лохвица - Михайлова, ведя на противоположном фронте усиленную разведку;

2) 14-й армии — продолжать самое энергичное наступление по всему фронту и выдвигаться на рубеж р. Псел - Сумы - Обоянь — ст. Ржава;

3) 13-й армии — по овладении Курском выйти на рубеж Ржава - Становая;

4) Конной группе Буденного организовать стремительное преследование отступающего противника в направлении Ст. Оскол - Белгород;

5) 8-й армии — по ликвидации Бобровской группы выходить на линию Становая-Сагуны-Павловск.

(Цитир. раб. Егорова, стр. 199 и 203).

Как видим, 12-я сов. армия в общем направлялась на юг, 14-я на юго-восток, 13-я на юг, конная группа Буденного на юго-запад и 8-я армия на юг.

Направление конной группы Буденного на Ст. Оскол-Корочу-Белгород и одновременное направление конницы 14-й сов. армии из района г. Львова на стан-

цию Готню, ясно указывали на желание красного командования сдвинуть и разбить между Белгородом и Курском основную группу войск Добровольческой армии.

Так как главное командование армиями Советской России 6-го ноября потребовало развития наиболее энергичного преследования разбитой армии Деникина, командующий Южным советским фронтом 6-го же ноября «потребовал от армии выбросить всю дивизионную конницу вперед для нанесения ударов во фланг и тыл отступающим; кроме того, указывалось на необходимость широкого использования обывательского транспорта для скорейшей переброски войск» (там же, стр. 203).

Для обрисовки общего положения Казачества в это время следует припомнить, что 6-го ноября русские генералы произвели вооруженный переворот на Кубани.

Под натиском советских армий Добровольческая армия продолжала отступать: 5-го ноября красные заняли г. Батурич, 7-го ноября — г. Бахмач и Борзну, 13-го ноября — г. Обоянь, что лежит примерно на полпути между Курском и Белгородом...

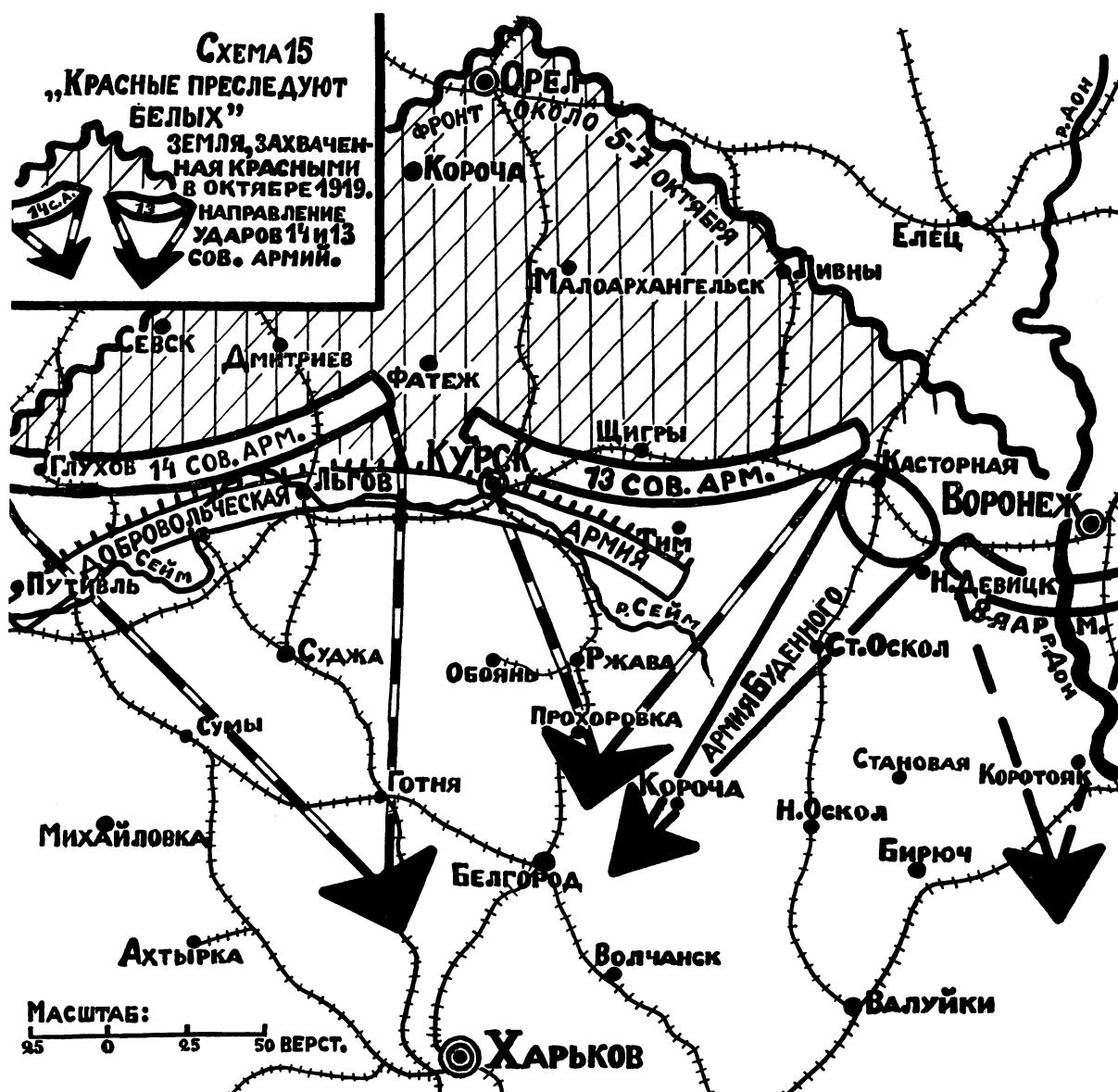
Как мы знаем, в начале октября 1919 г. Добровольческая армия насчитывала всего около 20-ти тысяч бойцов. В октябрьских боях за район города Орла и в боях, наступивших после захвата красными этого города, Добровольческая армия понесла большие потери.

В ноябрьских боях численный состав этой армии вновь заметно уменьшился. Поэтому неудивительно, что в журнале военных действий Добровольческой Армии уже 7-го ноября находим следующую запись: «На фронте Добармии к 24 часам 6-го ноября отход продолжается; **отмечается слабая численность частей:** 3-ий Марковский полк 130 штыков: черноморцы по 20-30 шашек; они двигаются для приведения в порядок на Прохоровку. Советское радио: «Курск взят, путь по Украине на Харьков открыт...»

Путем сильного нажима 14-й красной армии с реки Десны на юго-восток советские войска сравнительно легко разорвали слабую связь между войсками Деникина Киевской области (ген. Драгомирова) и Добровольческой армией Май-Маевского, базировавшейся на Харьков. Вследствие этого образовалось два как бы совершенно самостоятельных театра военных действий — Киевский и Харьковский...

Полтавская губерния была охвачена восстаниями. Конный корпус ген. Юзефовича, прикрывая левый фланг Добровольческой армии, отступал из района Бахмача в район Харькова...

Получившийся разрыв антибольшевицкого фронта в Полтавской губернии, малочисленность деникинских войск Харьковской и Киевской групп, антиденикинские восстания на Украине чрезвычайно облегчали задачи южного советского командования...

На фронте Донской армии.

(Схема 16).

Одновременно с организацией преследования разбитой и чрезвычайно ослабленной Добровольческой армии советское командование приказало красным армиям Юго-Восточного фронта приложить все усилия к тому, чтобы сломить упорное сопротивление казачьих армий: 9-я красная армия должна была действовать в общем направлении на Новочеркасск-Ростов, а 10-я и 11-я сов. армии «должны были овладеть Царицыным, а затем развить преследование противника вдоль железнодорожной линии Царицын - Тихорецкая» (Н. Какурин. Как сраж. рев., т. II-й, стр. 263).

Как это было в октябре 1919 г., так и в ноябре того же года на противоказачьем фронте фактически действовали не только 11-я, 10-я и 9-я красные армии, но и вся 8-я сов. армия и конная группа Буденного, поддерживаемая пехотной дивизией из 13-й сов. армии, наступавшей в общем в направлении Курск-Харьков.

Хотя боевая линия фронта беспрерывно менялась, все же в общем в первых числах ноября 1919 г. фронт Донской армии проходил от Нижне Девицка на юго-восток, перерезая р. Дон примерно в районе Борщево, поднимался далее на северо-восток в район селений Московского и Масальского, потом поворачивал снова

на юго-восток и проходил через район Старый Чиглы, потом между станциями Таловой и Абрамовкой и спускался к р. Хопру в районе станиц Тепикинской и Луковской и далее по р. Хопру на юг до впадения этой реки в р. Дон, и далее в общем вниз по течению р. Дона до устья р. Иловли.

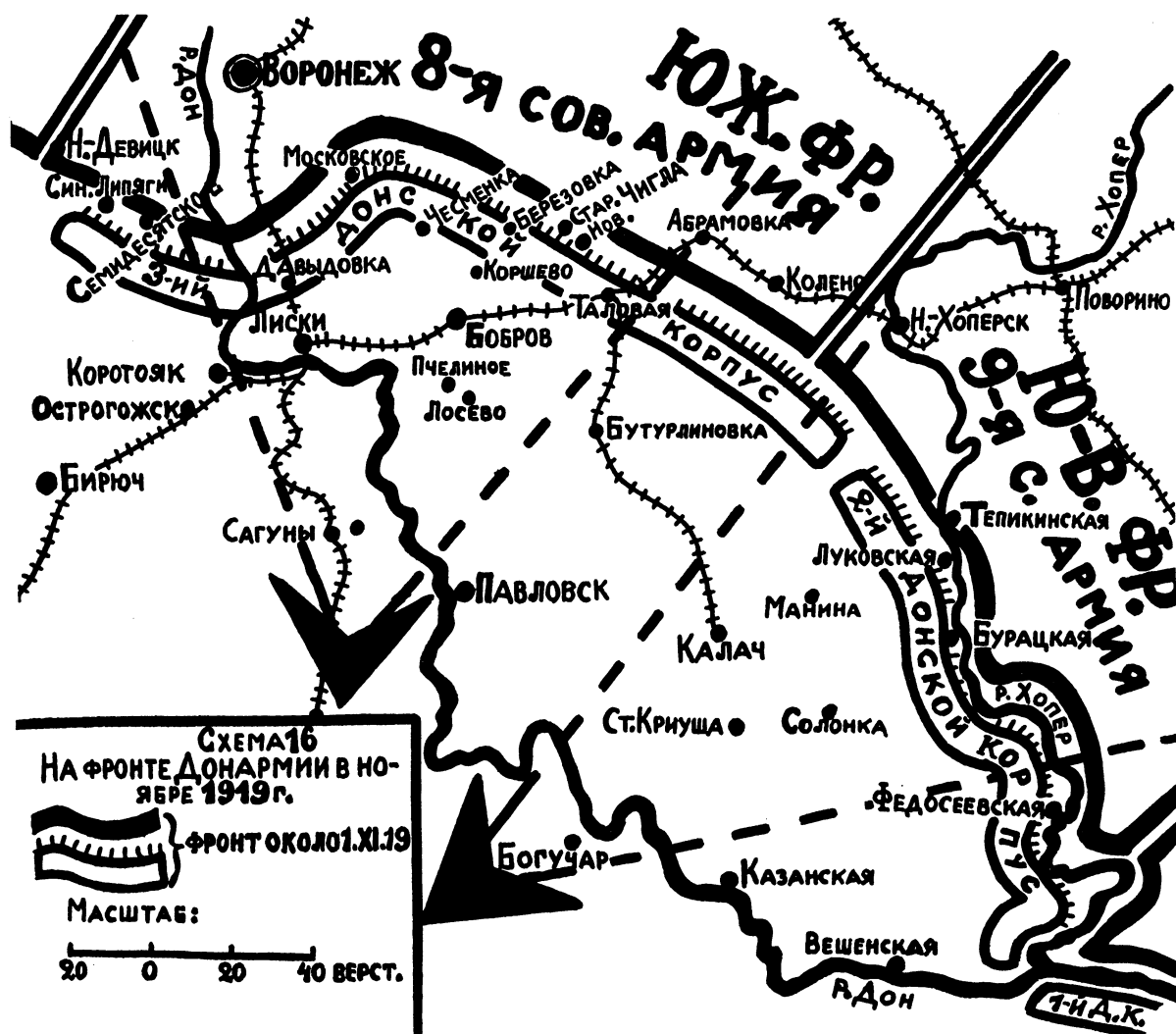
Согласно данным Донского штаба на 1-е ноября 1919 г. боевой состав Донской армии определялся в 37.129 бойцов при 207 орудиях и 798 пулеметах.

По тем же данным красные на этом фронте имели 67.600 бойцов при 360 орудиях.

На основании данных, доложенных на заседании Большого Войскового Круга в конце октября 1919 г., мы уже отметили выше то весьма печальное явление, что дело снабжения Донской армии продовольствием поставлено было далеко не удовлетворительно.

К сказанному добавим, что Донское Правительство, активно поддерживавшее Деникина, умудрилось поставить Донскую армию в весьма тяжелое положение и в другом отношении. Официальный документ говорит следующее:

«Последние дни поступил ряд телеграмм от различных начальствующих лиц о критическом положении на железных дорогах, вследствие полного отсутствия угля — движение прекратилось и даже бронепоезда не могут выходить для выполнения боевых задач. Коман-

дарм по этому поводу послал телеграмму Донскому Атаману с просьбой принятия экстренных мер по снабжению головных участков углем» (журнал воен. д. Донской арм., запись 2 ноября 1919 г.).

В ближайшем тылу армии, на Донской территории были неисчерпаемые угольные богатства, а на донских железных дорогах наступил паралич из-за отсутствия угля.

Кроме того, подавляющее большинство частей Донской армии находилось в непрерывных боях уже несколько месяцев подряд. Люди были измучены до крайности, лошади измотаны...

Все это ставило Донскую армию в весьма тяжелое положение и не могло не отразиться на ее боеспособности.

Обратимся теперь к общему рассмотрению событий на фронте.

Весь северный фронт против Донской армии, от Нижне Девицка до района станции Колено, занимала 8-я советская армия, 4-го ноября, как сказано выше, получившая задание энергично продвигаться на юг. Против этой армии действовал 3-ий Донской корпус.

На этом фронте вновь завязались упорнейшие бои, в результате которых красные заняли: 5-го ноября станцию Таловую, и Н. Чиглу, 6-го ноября — Березовку, Тульнево и Чесменку, 7-го ноября Шишовку и Коршево, а в направлении на ст. Лиски, на левом берегу Дона они заняли Аношкино, Давыдовку и Бодеево, приблизившись к станции Лиски; на правом берегу совет. войска заняли Яблочное, Оськино и Семидесятское, но из последнего вновь были выбиты донцами...

Донцы наносили красным весьма сильные контрудары. Особенно упорные бои разыгрались в районе Н. Чиглы, Коршево и В. Икорца... Красные приближались к железной дороге Лиски-Бобров, но захватить эту дорогу все же не могли.

В это время 2-й Донской корпус успешно сдерживал нажим всей 9-й сов. армии на р. Хопре.

Дальнейшее продвижение 8-й армии на юг явно захлебывалось. Поэтому, как сообщает бывший командующий Южным советским фронтом полк. Егоров, 7-го ноября (20-го по новому стилю) командую, сильно обеспокоенный длящейся борьбой частей 8-й армии с Ш корпусом Донской армии в Бобровском районе и не видя реальной поддержки со стороны соседней 9-й армии Юго-восточного фронта, дает депешу командованию с копией наштабеспу с настоятельной просьбой оказать реальное содействие операциям 8-й армии путем выдвижения конницы 9-й армии в район Бутурлиновка-Павловск...» (Егоров, цит. выше его работа, стр. 204).

Как видим, чтобы преодолеть героическое сопротивление 3-го Донского корпуса на фронте Лиски, Бобров, требовался удар 9-й сов. армии во фланг и тыл его.

В дело вмешался советский Главком: 10-го ноября «на имя командующих Южным и Юго-Восточным фронтами... посылает директиву, где, указывая на необходимость быстрых и решительных действий по овладению районом Павловска, требует от фронтов сосредоточения на их внутренних флангах не менее чем по две стрелковых дивизии; командованию предлагалось кроме того направить конный корпус Лумен-

ко в район Калача и ст. Нов. Криуша. Началом совместных действий назначалось 13 ноября (26 нов. ст.)» (там же 205).

Требование красного главкома сосредоточить между р. Доном и р. Хопром, на стыке 3-го и 2-го Донских корпусов, целых четыре стрелковых дивизии и конный корпус Думенко указывает на то, какое большое значение придавало главное советское командование именно этому участку фронта...

8-ая армия была усилена бригадой 61-й стрелковой дивизии и частями Туркестанской кавалерийской бригады.

10-го ноября 9-я сов. армия начала переправляться на западный берег р. Хопра у хутора Потапова, ст. Бурацкой и ст. Луковской.

11-го ноября красные заняли ст. Федосеевскую, 12-го ноября у хутора Суховского, против ст. Бурацкой, большевики разбили 1-ю Донскую пласт. бригаду, при чем в 1-м полку осталось только 5 офицеров и 20 казаков, а остальные попали в плен, во 2-м полку осталось 15 офицеров и 159 штыков; потеряно было более 30-ти пулеметов, батарея и большая часть обоза...

Эти бои на р. Хопре чрезвычайно облегчили задачи 8-й сов. армии, которая теперь получила возможность дальнейшего продвижения на юг. На левом фланге и в центре 3-го Донского корпуса 9-го ноября красные заняли Синия Липяги, Семидесятское, Болдыревку, Мостище, гор. Коротояк, Селявное, Копанище... В тот же день красные налетом захватили было Бутурлиновку. 10-го ноября в ее районе шел упорный бой.

Тогда же происходили самые ожесточенные бои у Коршево-Березовки-Николаевки, что к северу и на северо-запад от г. Боброва.

10-го ноября красные захватили, в конце концов, станцию Лиски, а 11-го ноября и гор. Острогжск.

Вследствие охвата Бобровской группы Донских войск с обоих флангов и вследствие выхода красных на тылы этой группы со стороны Лисок и со стороны Бутурлиновки, донские части принуждены были отступить на юг вдоль р. Битюга: 11-го ноября красные заняли г. Бобров, 12-го ноября Мечетку, что верстах в 18-ти к югу от г. Боброва. В селении Пчелиное красные внезапной атакой захватили часть обозов донских пластунов и английскую батарею. Штаб Донской бригады с трудом вырвался из красного окружения.

Этот отход Донцов на северном участке фронта находится, конечно, в теснейшей связи с отступлением на юг левее расположенных — конной группы ген. Шкуро и Добровольческой армии.

На фронте Кавказской армии. (Схема 17).

2-го ноября 1919 г. Кавказская армия занимала в общем следующий фронт: а) на правом берегу р. Волги к юго-востоку от г. Царицына-Старицкое и Каменный Яр, б) на левом берегу Волги — Пришиб и Рахику и в) между р. Волгой и р. Доном, севернее гор. Царицына, — Песковатку-Садки хут. Попов — хут. Песчинский и далее по левому берегу р. Иловли до ее впадения в р. Дон.

Кроме того, Кавказская армия была чрезвычайно обессилена морально тем, что белое командование старалось вести ее на борьбу за русские идеалы, чего кубанцы делать не хотели. Кроме того, из состава этой армии были взяты: конная бригада в Екатеринодар для производства вооруженного переворота (см. выше: «Ноябрьский переворот на Кубани»), а 2-й конный корпус перевозился на Оскольское направление.

Факт переброски этого корпуса с Царицынского на Оскольское направление стал известен большевикам уже 7-го ноября. Чтобы воспрепятствовать этой переброске, большевицкое командование приказало

10-й и 11-й армиям перейти в наступление на всей дуге царицынского фронта.

Морально и физически ослабленная Кавказская армия не выдержала натиска красных: на северном участке фронта — между реками Волгой и Иловлей — кавказцы оставили Дубовку, Пичугу и отступили на царицынскую укрепленную позицию; при очень тяжелых условиях левобережный, заволжский отряд Кавказской армии принужден был отступить к Царицыну, и во время ледохода, при труднейших условиях, переправился на правый берег р. Волги...

Конная группа.

Выше было уже отмечено, что после того, как 3-го ноября 1919 г. красные взяли узловую станцию Касторную, конный корпус Буденного 4-го ноября получил задание наступать на юго-запад — на Старый Оскол-Корочу-Белгород. В случае же отхода разбитых конных казачьих частей на гор. Валуйки, Буденному приказывалось «выделить для преследования в этом направлении особый отряд, главными же силами обрушиться по Курской группе противника с целью окончательного ее разгрома в кратчайший срок», повестует бывший командующий Егоров (стр. 199 его выше цитированной работы).

И далее тот же автор делает следующий вывод: «Таким образом, действуя на стыке 8-й и 13-й армий в определенном направлении и с определенными задачами, но без назначения определенной полосы действий, Буденный должен был не только заняться преследованием, как таковым, сколько добиваться уничтожения основных сил белых — Добровольческой армии — и второстепенное внимание уделить Донской армии (там же).

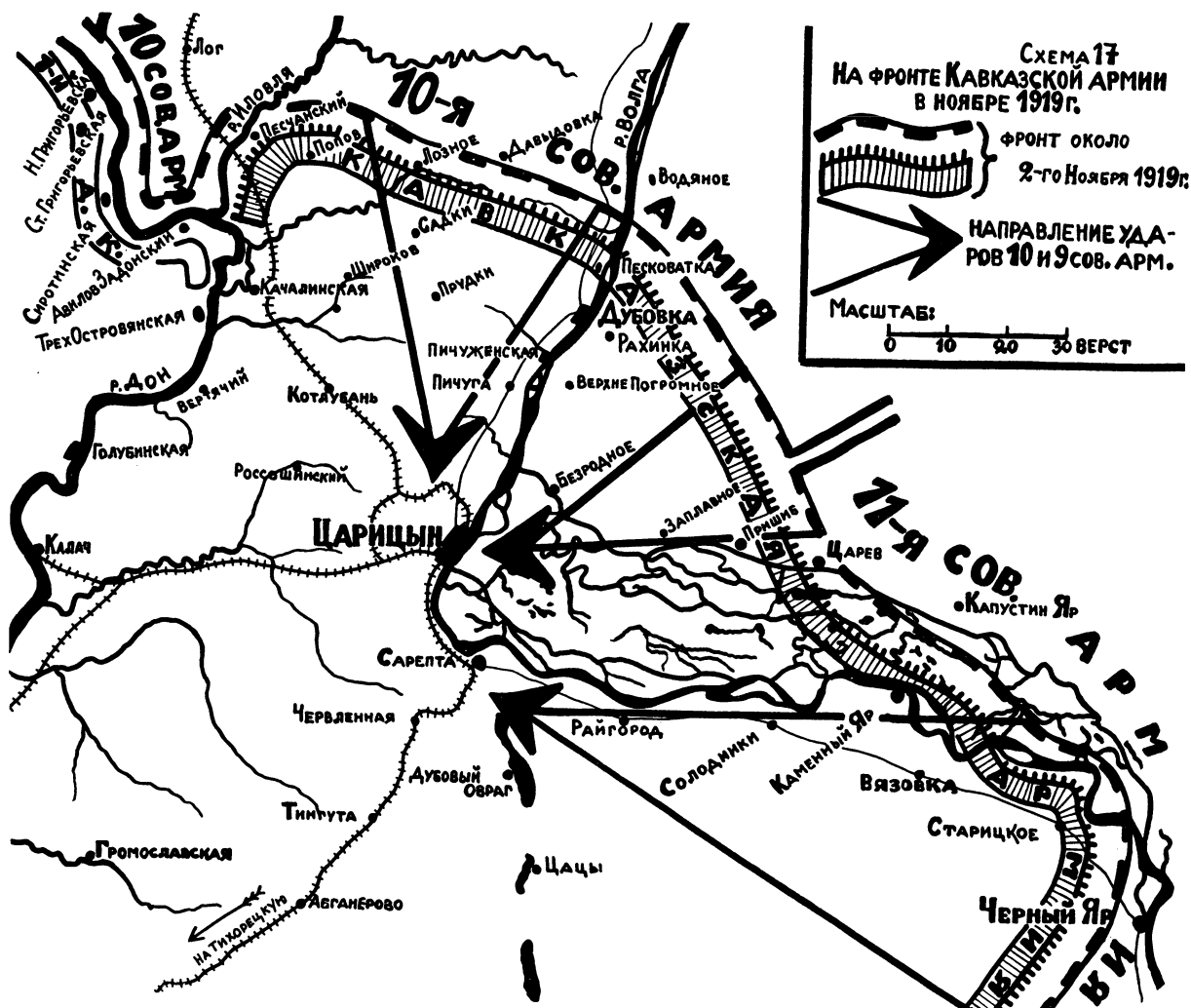
Казачья конная группа, состоявшая из 4-го Донского корпуса и Кавказской-Кубанской дивизии, 5-го ноября «под давлением 13-ти полков конницы красных отошла на линию Ново-Роговая, Солдатское, Знаменская (все эти пункты верстах в 15-ти к северу от Старого Оскола); красные достигли линии Богородицкое, Горшечная, Ключи, Быково» (журн. воен. действий Дон. арм.).

В военной литературе, говорящей об описываемых нами теперь событиях, можно встретить утверждение, что будто бы большевицкое командование, руководствуясь заранее обдуманном и принятым планом, направило конный корпус Буденного в разрез Добровольческой и Донской армий.

Выше мы уже говорили о том, что сентябрьский уход корпуса Буденного из района станицы Казанской в район гор. Воронежа объясняется не планами главного или южного советского командования, а самовольством штаба Буденного, пожелавшего разыскать корпус ген. Мамонтова и разбить его. Также мы отметили уже, что после взятия Буденным гор. Воронежа этот большевицкий корпус был направлен сначала на северо-запад от гор. Воронежа. И только после того, как Добровольческая армия отскочила от гор. Орла на юг, корпус Буденного был направлен в район Касторной. После взятия этой последней, этот корпус направляли на Корочу-Белгород, а не на Валуйки...

Если внимательно присмотреться к развитию боевых действий в первой половине ноября, можно заметить, что советское командование определенно стремилось 1) 10-ой и 11-й армиями поскорее захватить гор. Царицын, 2) 9-й армией овладеть районом Бутурлиновки и гор. Павловска, 3) 8-й армией захватить гор. Бобров, Лиски, Острогжск, Бирюч, 4) 14-й армией, наступая со стороны р. Десны на юго-восток, приблизиться к гор. Харькову с северо-запада...

Если сравним фактическое продвижение на юг корпуса Буденного, сидевшего на железной дороге Касторная-Валуйки-Купянск и 8-й армии базировавшейся на желез. дороге Воронеж-Лиски-Новочеркасск, увидим, что это продвижение совершалось параллельно: 5-7 ноября 8-я сов. армия захватила Аношино-Давыдовку-Бодеево, подойдя вплотную к стан-

ции Лиски, а Буденный за это время подошел только к Старому Осколу, оставаясь верстах в 25-30 севернее передовых частей 8 армии; 8-13 ноября Буденный занял Ст. Оскол (8-го), Чернянку (12-го) и Новый Оскол (13-го), а 8-я армия за то же время заняла гор. Коротояк (9-го), Лиски (10-го), Бобров и Острогожск (11-го), Мечетку (12-го), Чибисовку. Чибисовка и Нов. Оскол находятся примерно на одной и той же широте. К этому надо добавить, что 9-я красная армия к 14-му ноября заняла Минин и гор. Калач, расположенные южнее Н. Оскола.

Если при этом сравнить боевое напряжение 8-й и 9-й советских армий с боевыми усилиями конной группы Буденного, которые в действительности пришлось проявить этим большевистским группам войск для преодоления сопротивления казачьих частей, то

увидим, что для продвижения вперед корпусу Буденного требовалось прилагать меньшие усилия, нежели при продвижении вперед 8-й и 9-й советских армий...

Приведенные факты, кажется, ясно говорят о том, что большевистское командование в первой половине ноября 1919 г. не ставило корпусу Буденного тех задач, которые потом, задним числом, некоторые красные и белые военные историки готовы были приписать действиям этого большевистского корпуса.

В первой половине ноября казачья конная группа, действовавшая на Оскольском направлении, отступала перед большевистской конной группой в связи с общим отступлением правее и левее расположенных частей антибольшевистских армий.

(Продолжение следует).

Чужинец

Пугачев и Яицкое казачество

По новым историческим данным.

II. СОЮЗ ПУГАЧЕВА С ЯИЦКИМИ И «РАЗНЫХ КРЕПОСТЕЙ» КАЗАКАМИ И ИНОРОДЦАМИ ПРОТИВ ИМПЕРИИ.

14-го августа 1773 г. Пугачев вновь появился на умете у Оболенева (он-же Еремина Курица). На этот раз он назвал себя Петром Ш не только Ереминой Курице, но всем тем яицким казакам, которых оповестил

Оболенев: Закладнову, Караваеву, Шигаеву, позже Зарубину (Чике) и Мясникову. Они приезжали на него посматреть «от войсковой руки», т. е. от народной партии. Часть из них не питала никаких иллюзий насчет Пугачева. Зарубин показывал впоследствии, что «приехав на умет, он, увидя злодея, по лицу и образу счел, что ему государем быть нельзя, но (все-же)

положил принять его государем» 20). Видевший Пугачева ранее казак Караваев говорил Зарубину: «Пусть это не государь, а донской казак, но он вместо государя за нас заступит, а нам все равно, лишь бы быть в добре» 21). Пугачев не утаивал своего подлинного имени от Шигаева и подтвердил это Зарубину: «Я подлинно донской казак Емельян Иванов. Я был на Дону и по всем тамошним городкам везде молва есть, что государь Петр III жив и здоров. Под его именем я могу взять Москву, ибо прежде наберу дорогой силу» 22).

Лучше всего объяснил психологию яицких «заводчиков бунта» Мясников. «Нам какое дело, государь он или нет, — рассуждали казаки, — мы и из грязи сумеем сделать князя (!). Если он не завладеет московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство...» Он же объяснял казаку Горшкову (будущему секретарю Пугачевской Военной Коллегии): «По многим советованиям приметили мы в нем (Пугачеве) проворство и способность, вздумали взять его под свое заступление и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые вить правительство давно старается у них (яицких казаков) переменить введением к ним какого-то нового штата на основании военном, чего они никогда не хотели принять. И, хотя побывшим у нас на Яике происшествием, принуждены мы остаться без всякого удовольствия (удовлетворения), «как то думают в спокойном духе, однако-же искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный случай и время. И так, для сих-то самых причин, вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени» (были у нас). «А бояр, какие больше всего в сем деле» (угнетения казацкой вольности) «умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено, и сила наша умножится от черного народа, который так-же от господ притеснен и в конец разорен...» 23).

Сам Пугачев на дополнительном допросе (5 дек. 1774) совершенно искренно показывал: «А ВСЮ от него злодеяние произошло по поводу яицких казаков, ибо они точно знали, что он не государь, а донской казак, но они желали сим ево злодеянием получить себе помощь». 24). Тоже сказал он и на первом допросе 15 сентября 1774 г. капитан-поручику Маврину, «при том смелыми словами, что он не столько вино-вен, как Яицкие казаки, ибо они, хотя сперва и были несколько уверены, что он государь, но после, упова-ет, приметили его невежество, а особливо в неуме-нии грамоте» 25).

Политическая программа Пугачева и Яицких автономистов оказались почти одинаковыми. Впоследствии она слегка изменялась и расширялась, но в основных чертах, она была выработана на первых же совещаниях Пугачева с Яицкими «заводчиками». Война против Империи с ее централизмом и бюрократизмом, замена дворянской царичи казачье-крестьянским царем свобода веры, точнее полное прекращение преследований против старой веры; освобождение крестьян; истребление дворян. Яицкие казаки, как граждане окраинной республики, добавили пункт: **освобождение**

угнетенных народностей, обращение к ним за поддержкой и союз с ними против империи.

Иценский купец Трофимов, сыгравший видную роль под именем дуворовского в Пугачевской «коллегии», показывал: «Во всем возмущении и начатии дела состоит причиною Яицкия казаки, которые, соо-щась за единою думою з башкирцами, хотели от-менить учиненную им обиду от бояр определением в Кизляр и в прочие службы, что прежде ими никогда чинено и исправляемо небыло и прелщая народ в та-ковую ж погубель в каковую и они впади волею и не волею, со ооявлением простому народу: что когда всех можно будет перевести помещиков, то «тогда бу-дет всем волность и извоаятся от крестьянства, по-душных и прочих податей, рекрутского набору, про-дажи вина и соли не будет» 26).

В один из первых же дней заговора произошла на Таловском умете сцена взаимной клятвы, которая была бы весьма трогательна, если бы все ее участники не знали, что речь идет о чистейшем самозванстве. На телегу были поставлены медные складни, и казаки (Ка-раваев, Шигаев, Зарубин (Чика) и Мясников), стоя на коленях, говорили: «Обещаемся перед Богом служить тебе, Государь, во верности до последней капли кро-ви! И хотя все войско Яицкое пропадет, а тебя живо-ва в руки не отдадим».

В ответ, Пугачев, став также на колени, произнес: Обещаюсь и я пред Богом любить и жаловать Яицкое Войско так, как и прежнии цари. И буду вас жаловать рекою Яиком и впадающими во оную реками и прото-ками, рыбными ловлями, землею, сенокосными покоса-ми и всеми угодами безданно и безпошлинно. И рас-пространю соль на все четыре стороны — вези кто куда хочет. И оставлю Яицкое Войско при прежней их волности» 27).

В этой клятве было все, что желательно было Яиц-ким казакам, как рыбаловам весь Яик, с устьем; де-шевая (необложенная соляным сбором) соль; а глав-ное — **вольность**, т. е. полная автономия республикан-ской колонии.

16 сентября 1773 г. на хуторе Толкачева, перед вы-ступлением в поход на Яицкий городок, Пугачев дер-жал речь к собравшимся казакам, расширяя объем сво-их обещаний: «Жалую вас рекой Яиком, с вершины до устья, жалую морями, травами, денежным жаловань-ем, хлебом, свинцом, порохом и всею вольностию. Я знаю, что вы всем обижены, что вас лишают приви-легий и истребляют вашу вольность. Бог за мою пря-мую к нему старую веру вручает мне царство по преж-нему и я намерен восстановить вашу вольность... Я вас не оставлю, и вы будете у меня первые люди» 28).

В первой клятве были опущены по недосмотру обещания насчет «устья» Яика (которое могли перегра-живать и перегораживали царские откупщики), нас-чет права на ловлю в Каспийском море («морья»), нас-чет «жалования» всех видов. Теперь это было осо-бо оговорено, равно как и «прямая старая вера». Не мало значило и обещание сделать яицких казаков «пер-

26) Пугачевщина, т. II, с. 223. «Крестьянство» здесь значит — крепостное состояние в отношении помещи-ков.

27) «Кр. Арх.», т. 69-70, т. 228. Все эти обещания вошли затем целиком в первый манифест Пугачева, на-писанный Почиталиным в походе на Яицкий городок, «17 сентября» (1773) Пушкин называл этот манифест «удивительным образцом народного красноречия, хотя и безграмотного». Теперь, после опубликования неиз-данных ранее материалов в «Кр. Архиве» (т. 69-70, 1935 г.), мы видим, что «удивительное красноречие, проявил сам Пугачев, а не юный Почиталин, «статс-сек-ретарь» в 20 лет, о коем впоследствии П. С. Потемкин, давший характеристику всех подсудимых для сенато-ров, отметил кратко: «дурак». Грот. «Матер», 1875, с. 128, «Различение важности преступления способни-ков злодейских, 6-й сорт».

28) Дубровин, т. I, с. 245.

20) «Кр. Арх.», гл. 69-70, с. 228.

21) Фирсов, изд. 2, с. 68.

22) Там-же, с. 68. Еще в 1763 г. по Оренбургскому краю разнесся слух, что Петр III появился среди яи-цких казаков.

23) «Кр. Арх.», гл. 69-70, с. 228-229.

24) Пугачевщина, т. II, с. 229.

25) Грот. «Матер», 1875, с. 71. Очень наивны бы-ли рассуждения уральского патриота и историка Же-лезнова, в середине XIX в., что Пугачев не был созданием Яицких казаков. См. его: «Уральцы», изд. 2-я, т. II, с. 330.

выми людьми» при новом «царе», а главное, — «восстановить вольность».

Наконец, 17 сентября появился и первый письменный документ, манифест казачьего царя, записанный со слов Пугачева, удивительный по безграмотству и простодушью: «Самодержавнаго Амператора, нашего великаго государя, Петра Федоровича всероссийскаго і прочая, і прочая, і прочая.

«Во имянное моему указе изображено яицкому войску: Как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяди и оцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федоровичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья отныне и до веку и у детей ваших. Будити мною великимъ государямъ, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Федоровичу, винныя были, и я, государь Петр Федоровичъ, во всехъ винныхъ прощаю и жаловаю я васъ: рякою съ вершынъ и до уся и землею, и травами, и денежнымъ жалованьямъ, и свинцомъ, порохамъ, и хлебнымъ правиянтамъ.

«Я велики государь Амператоръ, жаловаю васъ Петр Федоровичъ.

«1773 году синтября 17 числа» 29).

Издатели сборников «Пугачевщина», большевики полагали, что манифест писан совместно Пугачевым, яицкими казаками и Почиталиным. Последний, несомненно, написал сба заголовка, придавшие бумаге характер копии «имянного указа», в коем было «изображено», но весь текст, как мы уже знаем, целиком принадлежит самому «Амператору». Упоминание о калмыках и татарах, конечно, подсказано яицкими казаками, в число коих входили и калмыки 30), и татары но речь пока шла о **казаках** из инородцев; вопрос об угнетенных национальностях возник особо и чуть позже.

Манифест этот, по словам Пугачева, «и ему, Емельке, так и показанной его сволочи» (т. е. сообщникам) «пондравился больно, и оного Почиталина, как он, так и все хвалили и говорили, что Почиталин гораст больно писать» 31).

Первое обращение к киргизам последовало по предложению «Идорки», явившегося к Пугачеву одним из первых. Идырь Бахмұтов, «Яицкого Войска казак из кибиток», татарин 32), в день выступления Пугачева на Яицк посоветовал послать письмо киргизскому Нурали-хану, а сын его Болтай написал это письмо по татарски 33).

По приходе поч Оренбург (1 окт. 1773 г.) «того-же дня, по совету (яицкого казака) Овчинникова и одним

29) «Пугачевщина», т. I, с. 25. Из архива Пугачева, Госизд. 1926.

30) казаки из калмыков отличились своими жестокостями во время январьского восстания на Яике, в 1772 г.

31) «Допрос», с. 189.

32) Яицкое Войско принимало в свои ряды юртовых татар и калмыков.

33) Оно опубликовано в сб. «Пугачевщина», т. I, № 3, с. 20. Адресовано «Киргизскому войску содержащему Абул'хапрову, приятелю и брату моему, имянной указ, и протчим моим верным слугам». Хотя Пугачев и отрицал в тайной экспедиции, что знал содержание Болтаева «письма», но по содержанию ясно, что знал, так как и в этом указе содержалось обещание: жаловать землю и водою и травами, и ружьями, и провиантом, реками, солью и хлебом, и свинцом, от головы до ног обую». «Российской государь» просил прислать ему «двух сот чел. военных людей». (Очень скромная просьба! Но в момент написания указа у Пугачева было лишь 60 чел.). Предложение союза против России было выражено словами: «И вы сами известны: для вас неприятель, тож и для меня». Указ помечен 20-го сент. 1773 г.

словом всех яицких казаков и каргалинских татар» 32), Пугачев послал манифест свой в Башкирию, начинавшийся словами: «Исыяшко великой и высокой и государственной владетель...царь российской...» и писанный тем-же Болтаем, сыном «Идорки» (Изыра). Обращение к башкирам имело блестящий успех: через 3 дня пришло уже 500 чел. вооруженных, а затем восстала вся «Башкирь».

Обещания башкирам были те-же, что и казакам («землями, водами, лесами»), но теперь трудно понять, почему Болтай, именем Пугачева, жаловал башкир и «морями» или же «телом» (?) наряду с «посевом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом и провиантом». За то яснее, почему радостно откликнулись башкиры на пожалование «верою и законом вашим»: насильственные крещения в православие, особенно при Елизавете, вмешательство властей в народную жизнь, а также систематическое разграбление и раздел башкирских земель вызывали многочисленные восстания башкир против Империи.

В тот же день был издан и другой манифест к башкирам («Я во свете всему войску...»), уже умалчивавший о «морях», но жаловавший, помимо земель т. д., «жительствами, телами и законами...» «Всех вас пребывающих на свете освобождаю і даю волю детям вашим і внучетом вечно» 33).

Третий манифест от того же дня, так же писанный по татарски, был вообще, обращен к инородцам Оренбургского края. Пугачев писал: «Знайте, мне поданные» (т. е. поданные) «во всяких сторонах и находящихся в здешних местах: Мухаметанцы и калмыки, сколько вас есть, и прочия все!» Очевидно, Пугачеву указали, что надо призвать к себе и калмыков, и омагометаненных татарами других, помимо башкир, насельников края 34). Список милостей в этом указе был покороче, а угроза супротивникам — пояснее: «голова будет рублена и пажить ограблена...»

Одно можно сказать с уверенностью: восставая против Империи и мечтая посадить на российский престол самими ими «из грязи слепленного князя», яицкие казаки хотели вступить в союз с окраинными народами и, обещая им независимость в будущем, пользоваться общими силами победить общего врага — самодержавно-крепостническую Россию.

Здесь не место рассказывать об участии инородцев (или, как теперь говорят, «националов») в пугачевщине: Пугачев был поддержан не только башкирами, частью татар, калмыков, но и инородцами Приволжья. Но, забегая вперед, мы скажем, что киргиз-кайсаки избрали, формально, политику нейтралитета. Султаны их вели приятнейшую переписку и с Екатериносинскими генералами, и с Пугачевым, не оказали помощи ни тем, ни другим, но начали дерзкие набеги и на Сибирь, и на Башкирию, и на Волжский край, и на Яицкое Войско. Последнее так от них пострадало, что к середине 1774-го года самые горячие пугачевцы усомнились в пользе разрыва Яика с Империей 35).

32) Каргала — татарская слобода под Оренбургом, величавший с самым этот город. Она сразу же поддержала Пугачева.

33) Оба указа в сб. «Пугачевщина», т. I, с. 27-30, № 4 и 5.

34) Указ № 6, «Пугачевщина», т. I, с. 30-31.

35) Нурали-Хан, умывая руки, писал «управляющему Войскам Яицким» полк. Симонову 5 авг. 1774 года. «Киргизь-кайсаки все к войне на Русь склонились, которых я от того и возразить не в силах». Он требовал выдачи ему бежавших от него калмыцких девок. поясняя: «Оных девок я себе взял, потому что... те калмыки — обшники Пугачеву, как я Ея Имп. Величеству вернополданной, пугачевых сообщников жен и детей в рабы себе брать» (имею право). А подданные Нурали-хана, якобы ему непослушные, грабили яицкие гополки без разбору. Яицкие казаки в отоялах Пугачева уже в лек. 1773 г. вопили, что «киргизцами в Илецкой, в Татищевой, в Нижне-Озерной, в Рассыпной кре-

Башкиры восстали поголовно, но хотели, чтобы Пугачев в первую очередь обеспечил-бы их национальную независимость. Освобождение Яицка от имперских оккупационных войск, тем более широкие планы обще-российского масштаба их волновали меньше. Яицкий казак Гр. Синельников, прибывший курьером из Яицкого городка в январе 1774 г. в Петербург, показал: слышал он, что самозванец около 14 ноября хотел - было с находящимися при нем яицкими казаками, оставя стоянье под Оренбургом, всю свою сволочь и башкирцев, иттить к Яику. Но башкиры принудили его остаться и не пустили, сказав, что ты нас уверил, что ты — государь, и обещал, Оренбург взят, сделать, чтоб губернии не быть, и чтоб мы были оной неподвластны, а теперь бежать хочешь и нас оставить на такую-ж пагубу, которую за такой же мятеж терпели отцы наши 36), которых казниши смертию, итак, мы до того времени тебя никуда не упустим, покуда ты действительно не исполнишь своего обещания». Таким образом, Пугачев оказывался в положении охотника, поймавшего медведя, только он не мог вести медведя туда, куда хотел! Между прочим, для широких всероссийских планов донского хорунжего оказался гибельным не только башкирский, но и яицкий «медведь», как мы увидим дальше 37).

Вслед за главными союзниками Пугачева в первый период его выступления: яицкими казаками «войсковой стороны» и башкирами, надо назвать **служилое** казачество Оренбургского края, которое примкнуло к движению в подавляющем большинстве своем. Состояло оно, в первую очередь из казаков Оренбургского казачьего Войска незадолго пред тем созданного правительством (1755), и из городового казачества волжского понизовья 38). Штат Оренбургского Войска был положен в 1770 ч. служивших казаков, но к 1773 г. число самых казаков (только мужского пола) с их детьми, родственниками, захребетниками пр. было раза в три больше. Но, в противоположность вольным Войскам Дона и Яика, территория

постях и ниже Яицкого городка по хуторам казачьих жены с их имуществом забраны и увезены в их улусы». Казаки приписывали это приказу Оренбургского губернатора Рейнсдорпа, по делу обстоит проще: киргизы искали себе союзников более надежных, чем Яик, на Кубани, у нагайских татар, и у Крымского хана, а пока что грабили россиян и Екатерины II-й, и «Петра III-го», и башкир, и калмыков, и яицких казаков. Ср. «Пугачевщина», т. I, с. 292, 293, 423-426.

36) Восстание башкир в 1730-х г. длилось 6 лет (1735—1741), башкиры потеряли до 28.000 чел. убитыми, казненными, запятанными в тюрьмах, проданными в рабство. 396 селений было razорено. Несмотря на жестокую контрибуцию, в 1755 г. последовало новое восстание под предводительством Батырши. См. **Н. А. Фирсов** «История населения прежнего Казан. царства». Его-же: «Политическое и финансовое значение колонизационной деятельности И. И. Неплюева»; **Витевский** «Неплюев»; **Дубровин**, т. I, с. 253-272.

37) Показания Синельникова, см. «Пугачевщина», т. II, с. 415-416.

38) Петр I уничтожил городских служилых казаков в Европейской России, кроме Сибири, Поволжья, а на юге, кроме Чугуевских, Торских, Маяцких, Новохоперских и Азовских. Вместе с другими служилыми людьми (пушкарями, затинщиками «сторожами» и т. п.). Они были обложены подушным окладом (26 июня 1724 г.), а 6 сент. 1766 г. «поравнены с государственными крестьянами. Оставшиеся на прежнем положении служилые казаки, поселенные при крепостях Оренбургско-Камского края были при Анне Иоанновне сведены (в административном отношении) в пять более крупных объединений (Оренбургские и Самарские, Алексеевские, Ставропольские, Уфимские и Исетские казаки). В 1755 г. эти казаки были объединены, под властью **одного** (выборного) атамана, под именем Оренбургского Войска.

Войска состояла из десятков земель, разбросанных на расстоянии сотен верст, в перемежку с землями самых разнообразных категорий населения. Поэтому правительство не побоялось дать оренбургским казакам организацию, подобную той, которая исторически сложилась на Дону. Оно не ошиблось, потому что Оренбургское Войско, как организация, в его целом, ни в Пугачевщину, ни позже, не выступало политически. Но за то **казаки** оренбургские, хотя и действуя разрозненно, пошли за Пугачевым в весьма значительном числе.

Особых указов к оренбургским казакам, как таковым, Пугачев, сколько мы знаем, не опубликовал, но, очевидно, к служилым казакам вообще относились обещания, данные Пугачевым в указе «Красногорской крепости коменданту и Сакмарским казакам» 39): жалование «крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями (!) и денежным жалованием, и хлебным провиантом, и свинцом, и порохом, и вечною волостию». «Крест» обозначал осьмиугольный, «роскольный» крест, т. е. право верить по своему, равно «как и борода была символом древнего благочестия»; **вечная** волость должна была обеспечить от превращения служилых казаков в государственных крестьян. «Моря», которых в Оренбургско-Камском крае и в помине не было, упоминались машинально и для красоты слога.

Отклик служилых казаков был очень живой. Мы не можем рассказывать здесь случаев, когда многие крепости падали вследствие перехода казаков, бывших в составе гарнизонов, на сторону «амператора».

Как велико было в первый период пугачевщины участие разных слоев казачества в движении Пугачева, можно видеть из показаний самого Пугачева и из репрессий, последовавших после усмирения мятежа. Прежде всего надо исключить из числа участников - казаков «старшинской руки» в самом Яицком войске. Они не поддержали Пугачева. Часть их — вместе с командиром оккупационного отряда полк. Симонова — села в осаду, вместе с ним, в так называемый «Рестражамент», наскоро сооруженный в пределах Яицкого городка. Другая часть, беспокоясь о судьбе своих дворов и близких в Яицке, осталась в городке, вне «Рестражамента» (цитадели) и держала нейтралитет, всегда готовая поддержать российские войска в момент ослабления осады цитадели пугачевцами. Пятисотная яицкая команда была на службе под Кизляром. Кое-кто бежал оттуда на родину, на помощь Войску, но были пойманы, или явились домой слишком поздно 40).

Наконец, команда в 380 ч. яицких казаков, под начальством войскового старшины и «от армии майора» Мартемьяна Бородина, успела пройти из Яицка в Оренбург до начала осады, выдержала там всю осаду, непрерывно делая вылазки и служа верно Екатерине. По окончании осады яицкая «верная» команда, под начальством того же М. Бородина перебросана была на Урал и на Волгу, а, когда Пугачев, после поражения у Черного Яра бежал за Волгу, то, параллельно с отрядом донцом под командою полк. Ал. Иловайского, гналась за ним Яицкая «команда» М. Бородина. Психологию яицкой старшины рисует хорошо рапорт Бородина ген. Мансурову из слободы Николаевской «против Камишанки», от 2 сент. 1774 г.: «А изверх Пугачев, видно, пробирается в свое злое гнездо к Яицкому городку». Так именвал усердный яицкий старшина и «пример - майор» (т. е. премьер-майор) столицу родного Войска 41).

Что касается казаков, присоединившихся к Пугачеву, то в момент выступления с хутора Толкачева с ним пошло под Яицк всего 60 чел. яицких казаков

39) «Пугачевщина», т. I, с. 32-33. Сакмарские казаки были, собственно, **Яицкие** казаки, жившие в Красногорской крепости и в Сакмарском (войсковом) городке.

40) «Пугачевщина», т. II, с. 172-173.

41) «Пугачевщина», т. III, с. 311-312.

(из русских и калмыков) с семью знаменами. В «кибитках кочующих татар», принятых в яицкие казаки, присоединилось еще столько-же. 18-го сент. 1773 г. пред Яицким городком у Пугачева было уже до 200 чел. Полк. Симонов выслал навстречу 500 ч. яицких казаков и 200 ч. т. наз. «легкой» команды под начальством Крылова (отца баснописца). Пугачев послал казака с «манифестом» к старшине Акутину, стоявшему во главе «верных» казаков. Боя не произошло, хотя можно сказать, что Пугачев, численно слабый, морально был в тот момент сильнее отряда, ему противостоявшего. Но позади у Акутина и Крылова был резерв правительственных войск с полк. Симоновым во главе, а у Пугачева не было ничего. С другой стороны, Симонов боялся выйти сам из Рестранжаменты опасаясь, что казаки изменят ему. Пугачев двинулся мимо городка, вверх по р. Яику, но вскоре его нагнали группы казаков из городка: Андрея Овчинникова, Дм. Лысова, а посланный в погоню отряд казаков в 200 ч. передан Пугачеву с своим начальником, старшином Андреем Витошновым.

Пугачев прошел линию крепостей по Яицку, начавши с Илецкого города, беря их одну за другую (всего 7 крепостей за 2 недели), и 3 окт. осадил уже Оренбург. В этот момент у Пугачева, по его личным подсчетам, было: яицких казаков — 500 ч., илецких казаков 42) — 300 ч., Рассыпной крепости — 40, Озерной

крепости — 100, оренбургских и других казаков и калмыков под командой Подурова — 600 ч., каргалинских татар — 500 ч., сакмарских казаков — 20 ч., сдавшихся солдат — 400 ч. 43). Всего выходит 2.480 ч., из коих 80% — казаки. Затем стали являться: башкирец Еман-сарай с 500 ч. башкир, башкирец Кинжа — 500 ч. башкир; затем 100 яицких казаков, под командой Серебряцова (высланных из Яицка, собственно, ловить Пугачева), 500 черемис, 70 киргиз, еще 600 ч. башкир со старшиною Альвеем, триста ставропольских калмыков со старшиною Фед. Дербетевым. Хлопуша показывал впоследствии, что в первый период кампании Пугачев имел 1.000 ч. яицких казаков 44). В общем, правительство считало, что из 3880 ч. яицких служащих казаков остались «верными» Екатерине не более 1000 человек.

По окончании восстания были подведены итоги «деятельности» трех учреждений, расправлявшихся со взятыми в плен казаками и другими повстанцами: Тайной Экспедиции в Москве, Казанской Секретной Комиссии и Оренбургской Секретной Комиссии. Учреждения эти отдельно подсчитали казаков яицких и «казаков разных крепостей». Итоги подсчета можно видеть из прилагаемой таблицы. В них не вошли, конечно, расправы, учиненные на месте начальниками воинских команд, местных временных судилищ и Царицынской и др. комендантских канцелярий.

Исполненные приговоры	Над Яицкими казаками				Над казаками разных крепост				Всего казаков
	Москва	Казань	Оренбург	Итого	Москва	Казань	Оренбург	Итого	
Казнено	4	4	2	10	2	5	1	8	18
Наказано кнутом и в каторжные работы	5	—	3	8	1	12	5	18	26
Кнут и на поселение	8	—	—	8	—	—	—	—	8
Плеть и в кат. раб.	—	—	—	—	—	1	—	1	1
Шпицрутены и в солдаты	—	—	5	5	—	—	—	—	5
Плеть и в солдаты	1	—	1	2	—	8	1	9	11
Плеть и отрезать уши	—	—	—	—	—	1	—	1	1
Плеть и освободить	—	12	113	125	—	15	107	122	247
Батоги и освобод.	—	1	—	1	—	6	—	6	7
Без наказания в солдаты	7	—	—	7	3	—	—	3	10
Без наказания на поселение ..	8	—	—	8	1	—	—	1	9
Без наказания освободить ...	214	12	81	307	13	2	610	625	932
Привлечено	247	29	205	481	20	50	724	794	1275

Как видно из таблицы, пред «судом» 45) этих трех коллегий предстали 481 яицкий казак и 794 казака «разных крепостей». Если сюда добавить «казачьих сыновей» (22 — в Оренбурге и 1 — в Казани), то всего казаков прошло через эти коллегии 1.298 г. При всем усердии следователей, из яицких казаков пришлось

освободить «без наказания» 63%, а из служилых казаков даже 79%. Но, конечно, недаром дались этим «оправданным» тюрьма в кандалах и жестокие пытки.

В подсчеты, приведенные выше, не вошли жертвы восстания из донских и волжских казаков. Во всяком случае, число казаков, принявших участие в движении Пугачева, можно считать тысяч в шесть с половиною.

42) Илецкие казаки были поселены первым строителем г. Оренбурга Кирилловым, и первое время существовали отдельно, а затем присоединены к яицким.

45) Конечно, и Тайная Экспедиция при Сенате и Секретные Комиссии не были «судом», а административно-следственными комиссиями, постановлявшими, однако, приговоры.

43) «Допрос», с. 198.

44) Ту же цифру давал в своем донесении оренбургский губернатор — Рейнсдорп: «Пугачевщина», т. III, с. 232. Донесение от 13 ноября 1773 г. Рейнсдорп насчитывал уже: 400 илецких казаков, 700 ставропольских калмыков, 5000 «башкирцев» и т. д.

П. Н. Милюков ставит точки над i.

На собрании РДО, на котором полк. Шумский делал доклад о франко-советском пакте (25 февраля), П. Н. Милюков заявил: «Политическое течение, которое я представляю, относится к ратификации франко-советского пакта положительно. Мы считаем этот пакт полезный и нужным в интересах России и Европы... — Если России грозит раздел, то выбора у русских людей нет: нужно поддержать власть, которая ведет защиту страны...»

Свидетельство врага

(Продолжение).

Коридор стансовета скупо освещен...

— Нема жизни, брати! — сдержанно и злобно говорит Сергей Писанка..

— Скоро до хаты будут ходить — як мы с бабами спимо!...

Сахно переминается, тяжело вздыхая..

— Когда так было? — говорит Писанка. — Хлеб берут, все добро берут. Воли нема — и зараз отвечай, як в полку на словесности при старом режиме. Що ж мы — не хазяйны? Я скажу так: нехай хто як знае, так и хазяйнуе.

— А коли нема нічого? — громко и страстно вырывается у Василя.

— А куда лезешь от казаков? **На казачке женился — держись казаков!** — гнутит Лука Рябоконь, пыхая цыгаркой....

Над станицей идет звездная свежая ночь.

Около народного дома дивчата горласто, криком запевают жалостную песню про убитого Миколу Рябовола:

Плач, Кубань, край наш ридный,
Лежить Микола, сын твий вбитый....

...Алексей тихо и отчетливо говорит:

— Я, как старый колхозник, предлагаю.. То есть у нас озимое посеяно, и харч с лихвой, и фураж, и семена на весну. План выполнен. И лишки.. Ну, я предлагаю — вывезти на ссыпку, как красную хлебо-сдачу, еще тысячу пудов.

— Ой! — вырывается у Петра.

Молчание колхозников нарушает крайний:

— Мы не согласны! Хватит, посидели без хлеба!

— Смехи смеешься, Олекса!.. — угрюмо говорит другой.

— Как секретарем стал, песню такую принес.

— Стой, товарищи! Не в воду сыплем — своему государству помогаем! — горячится Рева.

— А сами опять без штанов?

Петрусь смотрит на свои нескладные штаны:

«Ой, правильно вин говорить»..... —

И в одном квартале, и в другом из двора во двор ходят ненавидные комиссии содействия хлебозаготовкам — комсоды. За заборами мечутся, рыча, псы. Комсодчики стучат по доскам палками, вызывая хозяев, и стук этот — кажется Сахно — слышен по всей станице, по всей Кубани. И далекие горы отзываются на него грезным эхом.

Словно сквозь дым, шагая по улице, видит Сахно у ворот того станичника, который в коридоре совета обращался заискивающе к Реве, галдя комсодчики.

Хозяин опирается о здоровый кол по ту сторону забора.

— Описывать пришли?

— Описывать. Пусти! Хуже будет!

— Не пустю!

Чекмень на станичнике распахнут. Смуглеет выпуклая волосатая грудь.

— Что же мы будем смотреть? Ребята, пошли! — отчаянно кричит один из комсодчиков и бросается в калитку.

Станичник взмахивает колом. Комсодчик замертво падает....

— ...Хто вируе в Бога, тому нема зараз жизни на Кубани.

Старик задумчиво опускает голову. Седая борода ложится на лохматый воротник колуха.

— Та с Богом мы як небудь поладили б! — встречает чернявый, закуривая. — А вот игана ихнего терпеть не можно.

— Що це за «иган?» — спрашивает есаул.

— Навезли тракторив, забили всим головы. Збили до кучи, ось тобі и иган.

— Багату муку послав козакам милостивый наш. Як запорожськи козаки от крипостного права царици тикалы, так и вы от нового ига! — зажмурив глаза, шепчет есаул.

— Иногородни те ж тикають! — перебивает чернявый.

Дзюба зорко взглядывает на него.

«Это уже новое дело: городовики бегут от колхоза!»

— От него хоч в пекло.

— Прямо конец света!

«Эти готовы землю грызть, — думает есаул. — Однако, об иногородних — это новость...»

...Горькая усмешка кривит рот есаула..... Скольких уж нет... Может быть, следующий черед его?.. Ну, что же. Он, есаул Дзюба, потомок Запорожских казаков, готов сложить голову за козацтво, за товариство вольное и гордое. Не посрамит свой род, славный род сичевого старшины, Ивась Дзюба. Когда-нибудь. (Скоро! Очень скоро! — щемит его сердце) **вернутся на Кубань казаки** и про геройскую борьбу за казачество, за Кубань неньку сложат песню. Там, за морями, поют ведь сейчас:

Из далеких стран полуденных,
Из чужбинной стороны
Шлем поклон, Кубань родимая,
Твои верные сыны...

— ...Как же ты додумался хлеб прятать? От кого прячешь? От своей же бедноты-босоты прячешь? Чего вам не хватает? Все есть: земля, худоба, машины получили, деньги. Сегодня хлеб прячете, завтра кулака - ктотора спрячете, потом и всю советскую власть спрячете в амбар.

— Чего нам контру пришиваешь? — кричит Орел.

— Подожди-ка ты. Тогда тоже был разговор — советы нужны, коммунистов не надо.... Какие же вы колхозники, партизаны. И коммунисты ваши тоже барахло. Прячетесь от советской власти....

...Три дня ездивший в полевую разведку Микита... хотел было уйти, но попросил остаться Рева. Утром, при выезде в степь, переняв у дома, стыдил его Яков Рябоконь:

— Що ж ты, бисова душа, козакив топыш? Казали тобі, що буде, коли **прийдуть наши?**..

Присматриваясь к станичным и приезжим коммунистам, он (Яков Рябоконь) хотел попытаться, что кроется за их словами. И вывел презрительное заключение, что сами они люди подначальные, не в них дело, а в их верхних... И те, конечно, знают, чего хотят. Хитрые ж люди, всю Россию захомутили. Чего ж они хотят? Вся Кубань дыбом стсит... С Китаем война? Толком не разберешь у большевиков, что это за война... В газетах — про поднятие урожайности, про колхозы, а больше все про хлеб. И всюду хлеб, хлеб, хлеб...

Тут то, наконец, и словил большевиков Яков Рябоконь.

«**Це воны граблять.** Поперед генералов, фабрикантов ограбили. Зараз взялись за хлеборобов. **Бо вже близок конец** И воны с тымы грошима кто куда!..» — решил он и говорил везде об этом. Говорил и о том, что надо прятать хлеб и гроши, — **ждать вольной жизни недолго!..**

...Не те було, та пройшло. Советская власть в восемнадцатом году була, — прошла, як дождь. Белые

та Грабь-армия була — нема. Колы-б Грабь-армия кубанских казаков не обидела, — доси була б. Разогнали генералы нашу Кубанську раду, Кулабухова повесили, а батькив заграницу повыслали, тут ни и крышка була, — легко и спокойно произносит Дубина... Крышка белым була за то, що мы, козаки, в сторону стали...

Майборода соглашается с Дубиной и осуждает Рябокonia... Надо итти в колхозы, надо забирать силу в советах...

...Рокошет бас:

— А коли б нас'не було в сехетво! Эге! Мы ж добились, що б пайки земли нарезали и тим братьям, що заграницей зараз.

Майборода тихо усмехается. Дубина говорит правду. По архивам стансовета, которые Майборода прочитал и запрятал в укромное место, по рассказам станичников знает он об этом. Сельхозтоварищество с начала своего существования в руках Дубины и его группы. В двадцать пятом году группа проводит по кварталам решение об отказе в земле всем не-казакам и казакам, служащих в советских учреждениях.

Тогда же проводится группой решение о наделении земель белых эмигрантов и бандитов, скрывающихся в плавнях...

...Видимо, перекипев, тихо говорит Рябокonia:

— Не буде того! Силькы я терпив и ще буду! А козацтву не изменю, не продам...

...Нестерпимо тяжело Василию. Гнев охватывает его. Он про себя матерно ругает коммунистов: только разговоры разговаривают, а ни помощи, ни порядку. Так жизни нет, и этаж жизни нет...

— Так как, товарищи, трудно? — спрашивает Буков.

— Куда там!

— Не поймешь! Сегодня одно, завтра другое.

— Кто ее знает, — может и эту линию отменяет!

«Подавай им абсолютные законы! А главное — живая жизнь проходит непонятной!» — думает Буков. Встает, настороженный и строгий.

Сутыка, прикорнув в уголке, старается не дышать.

«Время у нас действительно трудное. Наговорили большевики много: то строим и это строим. Выйдет ли? А что, если одна брехня? С ними пойдешь, — как назад возвращаться? Вдруг эти «наши» придут?» Думают так у вас, граждане, пусть не все? Верно говорю?

— Верно!

— Так и есть! — отзывается хор голосов.

— А по станице чорт его знает какие слухи ходят.

— Ого!

— Только и разговору: «Наши придут, мы вам покажем!...»

...Алексей вздыхает. Поднимает голову. Буков и шофер поражены: так страстно горят Алексеевы глаза.

— Какие разговоры меж казаков идут! И рабство наступает! И руинуют Кубань, як Запорожську Сич!...

— А ты знаешь ее историю? — перебивает Буков.

— Ты ж казак и должен всю историю знать.

— Ну, знаю...

...Буков с обидой и горечью думает, что про запорожцев и советская страна до сих пор знает и судит только по «Тарасу Бульбе» Гоголя. Да и сами потомки-то запорожцев — теперешние кубанские казаки — знают историю предков из рук или царских прислужников или самостийников кубанских и украинских петлюровского толка....

(Окончание следует).

Н. Алифанов

Мой уход с Дона

(Окончание).

Частое постукивание колес на стыках рельс не давали мне уснуть. В отдыхе же страшно нуждался, т. к. трое суток провел без сна в страшном напряжении. Вагон, в котором я ехал, был набит до отказа всяким серым людом. Теснота вызывала неудовольство и пассажиры посылали трех-этажный мат по адресу создателя такой жизни. Весь этот шум и гам, смешавшись с испарениями не мытых человеческих тел, не позволял оставаться долго на верхней полке. Я спустился с полки, чтобы дыхнуть свежим воздухом. Пассажиры несколько утихли и уже не так громко и дружно осуждали существовавшие порядки. Среди них я встретил знакомое лицо, морщинистое, постаревшее. Отпечаток страданий ярко был выражен на нем. Это был священник, бывший некогда дьяконом в нашей станице и учителем в церковно-приходской школе. Сидел он в конце вагонного коридора, с опущенной головой и докуривал папиросу, которая уже жгла его поседевшие усы. Одет он был бедно.

Мне припомнилось прошлое этого человека. Вспомнил я и то, что был его учеником, вспомнил и то, как за одну мою шалость пострадали мои уши от его духовных рук. Я подошел к нему со словами: здравствуйте, о. дьякон. Он растеряно посмотрел на меня. Заметив его замешательство, я назвал себя. Священник обрадовался и стал жать мою руку и в волнении, которое сжимало старику горло, проговорил: я, гонимый за веру Христову и, как пастырь Христовой церкви, не умолчу... Но пассажиры уже обратили на нас внимание... Священник стал рассказывать, что слу-

жил в ст. Ст., а теперь едет в ст. К. Я стал советовать батюшке уехать куда либо подальше от этих мест. На это он мне ответил, что это не меняет обстановки, т. к. священнослужители везде подвергаются гонению, как контр-революционеры. Я это, конечно, знал. На его распросы о моем путешествии, я пояснил ему, что жизнь для казаков складывается невозможной и я подыскиваю себе работу на производстве.

На этом и кончился наш разговор. Усталость давала себя чувствовать и я опять полез на свое старое место. Подослал свой плащ и пытался заснуть. Целый рой мыслей наполнил мою голову. Переживания последних дней долго не давали покоя... Утром, я проснулся. Лучи солнца светили мне прямо в лицо. Сон подкрепил меня и я чувствовал себя бодро, хотя вчерашние мысли не оставляли моей головы. К ним прибавился еще вопрос, как встретит меня средняя Азия, к которой я ежеминутно приближаюсь...

Поезд остановился в Самаре. Воспользовавшись трех-часовой остановкой, я оправился на базар, чтобы запастись съестными продуктами на дорогу, т. к. знал, что дальше, в средней Азии, хлеба нет. Обходя базар, я нашел единственную торговку, которая торговала хлебом и у которой осталось всего две буханки. За этот хлеб она запросила 7 рублей. Не говоря ни слова, я уплатил деньги и с драгоценной ношей направился к поезду.

Мои спутники оказались менее счастливыми. Им не удалось достать хлеба на базаре, а по карточкам в буфете и кооперативе тоже не достали. Снова вагон

наполняется трех-этажной бранью по адресу советов.

Нудно проходит время в поезде. Езда на дальнее расстояние в советских условиях вещь очень утомительная... Уже изредка мелькают кибитки татар в диком безбрежном песчанно-солонцеватом море.

В нашем вагоне ехало и несколько агентов ГПУ, по национальности татары из Ташкента, с которыми я старался заговорить на тему о «шире и росте социалистического государства»... С восточным акцентом, очень уверенно они говорили: «Наш республик, наш колхоз», и пр...

Пользуясь тем, что они не на службе, хотя и висят у пояса браунинги, я постарался пошутить их по другой теме. Заговорил о правом уклоне... На это они отрицательно качали своими туполобыми головами. Я понял, что такой разговор опасен и перевел его на тему «романтичную», заговорил о русской барышне. Это пришлось по душе моим собеседникам. Они потирали руки от удовольствия:

— Мой люпит русской барышнь. А такой топрый... И опять утвердительно качали те ми же бараньими головами.

Запас продуктов подходил к концу, т. к. время исчислялось уже не днями, а неделями. В сов. России движение поездов ненормально. То поезд стоит у семафора несколько часов, то на какой либо станции стоит без всякой видимой причины. Питаться кумысом невозможно, т. к. от гнилой «кишки» от него несло зловонием...

Наконец, на 14-е сутки добрался до Ташкента. Все черно от татар и узбеков. Нос щекотал приятный запах жаренного мяса. Это там продают горячий шашлык, нанизанный на палки.

Насытившись шашлыком, я поспешил обратно в поезд и через час уже ехал по равнине Узбекистана, которые были изрыты параллельными канавами «арыков», по которым мутная вода спешила в назначенное ей место для поливки садов и огородов.

На другой день, в 10 часов утра я достиг цели своего путешествия.

Оставив моего парового спутника, я отправился на базар. Еду достать было очень трудно, т. к. без книжки хлеба не дают. Город с пыльными и грязными улицами, в жаркое время особенно душил непривычного человека. На базаре я нашел караван верблюдов, груженых ящиками со свежим виноградом. Караван только приступил к разгрузке. Я подошел к одному из разгружавших виноград и осведомился о цене. Он как то презрительно посмотрел на меня и в ответ что то промычал. Я достал из кармана полтинник и показал ему. Сразу изменился, оскалил зубы и глаза загорелись жадностью. Он отвалил мне чуть не пол-пуда винограда, который я стал с жадностью есть. Виноград был очень вкусный.

Утолив голод, я отправился отыскивать тот дом, куда имел адрес. Время приближалось к 12 часам. Солнце пекло во всю свою силу. Все пряталось от нестерпимой жары. По пустынному городу, стараясь идти в тени, я добрал, наконец, к своим знакомым. За обедом у знакомого я посвятил его в свой план и предложил ему помочь мне перейти границу в Персию. Мой знакомый, человек штатский пугливо выслушивал мои планы. Из его рассказов я узнал, что граница тщательно охраняется, а если беглец попадает на персидскую сторону, то на него там смотрят, как на шпиона, и расправляются сами пограничники, не делая об этом докладов по начальству. Если беглец попадет на караван узбеков, то и те могут поступить с ним по своему усмотрению.

Выслушав все это, я тут же вынес заключение, что игра здесь весьма рискованная. Тут же я принял решение ехать на запад, чтобы пробраться в славянские государства. Я знал, что там границу будет перейти труднее, т. к. из советских газет знал, что западная граница тщательно охраняется, но все же решил ехать к польской границе.

На другой день я уже мчался в поезде, который

направлялся к Петровскому порту на Каспийском море.

Люди ехали к Петровскому порту. Черная туча народа заполняла порт и неугомонно кишела в ожидании счастливого случая отправиться в путь. Через несколько минут эта толпа и меня приняла в свои объятья. Сעה я чувствовал, как в каком то заколдованном море, которое выражало все то же неудовольствие по разным адресам. Больше всего шло в адрес т. Ленина за благоустройство страны, где приходилось по три дня алчущим ожидать парохода.

Свершившись об отходе парохода в Баку, я получил сведения вполне меня удовлетворившие. Была надежда, что пароход отоиден не более, как через полтора часа. Чтобы убить время, я стал прохаживаться по пристани и прислушиваться, вглядывался в лица сидящих, в которых старался уловить что либо приятное. Увы, эта многосотая толпа сидела, понуря головы, как бы на скамье подсудимых перед высшим трибуналом, ожидая жестокий приговор о неминуемой голодовке...

Через пол часа я уже был на палубе парохода «Коминтерн». «Коминтерн» дал гудок и медленно отплыл.

Пароход шел благополучно и скоро мы достигли желаемого Баку.

Я покинул пароход и поспешил на вокзал, чтобы захватить очередь у билетной кассы, т. к. знал, с каким трудом добываются железнодорожные билеты в сов. России. То, что я увидел у кассы, повергло меня в уныние. Очередь была огромная и нечего было и думать достать билет легальным путем. Нужно было действовать иначе. Наградив одного армяшку тройком, я попросил его достать мне билет 3-го класса до Ростова. Через десять минут я уже имел билет в руках и усаживался в поезд... А очередь у кассы все стоит... И мне кажется — стоит и сейчас.

Прибыв в Ростов, я решил сделать дневку у моего приятеля, которому я кратко пояснил суть моих путешествий и рассказал, что в наших станицах решается судьба оставшихся там казаков, ибо красный хам вершит свое гнусное дело над славными, еще оставшимися в живых героями...

Ныне многие из них закончили свой жизненный путь... Как живой свидетель тех ужасов, как расправлялись красные с нашими отцами и братьями до 30 года, призываю всех казаков открыть глаза на правду... Если бы каждый казак увидел, как расправляется с казаками Москва там, то наверно он бы не стал яхшаться с русскими здесь и играть с ними в одну дудку...

Когда я уезжал из Ростова, мой приятель сказал: заживайте как можно скорее факел, который мы будем ожидать... И я, удовлетворенный желаниями моего друга, крепко пожал его руку и покати в Киев. Там я пробыл один час. Проверив ориентировку, я взял билет до станции Щепетовки... Доехав до станции Козятин, я должен был сделать пересадку, которая задержала меня на несколько часов. Здесь стали уже попадаться чины ГПУ с жидовскими физиономиями, которые грозно расхаживали взад и вперед, пристально всматриваясь в каждого пассажира. Порой чувствовал, что волосы на голове поднимаются, но все же усилием воли оставался спокойным.

Когда подошел поезд, я спокойно вышел из залы 3-го класса, провожаемый внимательными взглядами агентов ГПУ, и направился в вагон. Я надеялся на свои документы, которыми был снабжен не плохо. В вагоне устроился на полке третьего этажа, где еще раз хорошо обдумал предстоящее путешествие. Потом пересел на низ, где скоро пришлось столкнуться с агентами ГПУ.

Поезд подходил к предпоследней станции, где чины ГПУ стали тщательно проверять документы. Дошла очередь и до меня. Подал свой документ. Внимательно они в него вчитывались и потом спокойно предложили мне следовать за ними. Не скрою, что мороз у меня пробежал по телу, волосы слегка поднимали шап-

ку, но я старался быть тоже спокойным. Меня не покидала вера в силу моих документов. Я считал себя забронированным... Но, тут еще одна беда, которую нельзя исправить, когда над душой стоит «божок» и ожидает твоей души. У меня был «предмет», который может ввергнуть меня в пучину, откуда нет возврата. Судьба наградила меня подходящим моментом и я изобразил от уличающего «предмета». Агент кричит — скорей! Я, в свою очередь, недовольным голосом выражаю свой протест против его торопливости. У самого же мурашки лезли от ног до ушей. Хочу козырять послезимним козырем... Начали мне ставить всевозможные каверзные вопросы. Пришлось чуть не пуститься в рукопашную, доказывая правильность своих документов и что за границей я не собираюсь бежать. Завозившись со мной, они еще не проверили документы всего эшелона, поэтому, захватив часть моих бумаг, стали проверять документы остальных пассажиров, оставив меня в проходе. Не теряя ни одной минуты, я скользнул в дверь и соскочил с поезда. Поезд как раз замедлил ход, т. к. походил к семафору. Прыжок был удачным. Недалеко, метров 300, было до леса. Я быстро пробежал это расстояние и через несколько минут уже был в лесу, который скрыл меня от глаз «божков».

Тут начинается новый период моих странствований. Я шел дремучим лесом. Сумерки надвигались. В лесу царил таинственная тишина. Ее нарушал только треск сушняка, который попадался мне под ноги. По моим предположениям до границы было 40 кил., а может быть и немного меньше. Нужно было в эту ночь пройти половину этого расстояния, чтобы потом не спешить и продвигаться с осторожностью, ощупывая и обнюхивая все. Ночь застала меня в лесной чаще, которая тянулась до самой границы. Выбрав самое густое место, я решил расположиться на ночь, но так как охранять меня было некому, то сам себя и охранял.

Летняя ночь пролетела незаметно и ее сменило румяное утро, наполнившее влагою сосновый лес. Я усердно зашагал к намеченной цели с мыслью, что еще сделаю что либо для блага Казачества.

По моим расчетам я уже был недалеко от границы и мне нужно было встретить живое существо, которое помогло бы мне и рассказало, как перейти рубеж советского рая. В лесу я набрел на полянку. Там было болото, покрытое густой кугой. Тут же я заметил старика, который торопливо косил, озираясь в сторону девушки, которая отстояла от этого места в километре. Непринужденно насвистывая, я подошел к старику. Старик меня не видел и когда, подойдя вплотную, я сказал: «здравствуй, старина!» — он от неожиданности даже поисел. Потом, осмотрев меня, стал приходить в себя, ответил на приветствие и объяснил, что это он косит свое, а не на коллектив, и что эту его собственность скоро отберут эти хамы. (Он особенно сделал упоминание на ХА).

Убедившись, что старик не выласт, я подошел к нему вплотную и, положив руку на плечо, ласково

сказал: теперь, дедушка, скажите мне подробно, где граница, которую я мог бы перейти беспрепятственно? Вопрос мой старика испугал и видно было, что он хотел как то уклониться от ответа, но я не дал ему собраться с мыслями и продолжал: не бойся, дедушка, на чай получишь хорошо.

Старик еще пожевал немного своим беззубым ртом, а потом подробно рассказывать, как мне перейти границу. Описал все до мелочей, чтобы эти мелочи не повредили мне.

Поблагодарив старика и щедро дав ему на чай, я двинулся в указанном стариком направлении, в сторону границы. Граница Польской республики в этом месте врезывалась клином в советскую территорию. На прощанье старик пожелал мне успеха.

Красный диск солнца уже целовал горизонт, который, в свою очередь, принимал его в свои объятья. Лесной воздух начинал свежеть. Я напрягал силы, чтобы засветла ближе подойти к границе, чтобы меньше осталось для ночного путешествия. Солнце уже зашло, только лучи показывали место, где его проглотил горизонт.

Отыскал густое место в сосновом молодняке, чтобы отдохнуть и прислушаться. Явственно ощущаю запах дыма, а потом и слышу вправо от себя солдатский разговор и звон котелков. Слышу даже, как серпак повара касается днища казана. Прошел еще час и тишина водворилась в лесной чаще, только издали доносится треск сухих палок, которые в лесу попадают под ноги. Я подумал, что это конная охрана обьезжает границу. Но снова тишина, почти жуткая. Потом треск сухих веток раздался сзади меня. Я весь сжался, прямо прирос к земле, но опять тишина. Думаю, что подошла та минута, когда нужно действовать, от этого зависит моя судьба. От неловкого, трехчасового сидения ноги подкашиваются, тело вздрагивает, кровь бьет в голову, глаза горят — я это чувствую. Осторожно двинулся в путь. Шел медленно, высоко поднимая ноги и только носками касался земли, чтобы не задевать сухих веток и не делать шума, который может испортить все дело. Через каждые пять минут я останавливался, прислушивался и озирался по сторонам. Так прошел целый час, но до границы я еще не дошел. Но вот лес начинал редеть, это было приметой, что граница близко. Лес уже не скрывает меня, а посему двигаюсь на четвереньках. Наконец, — проволока, в которую я уперся прямо носом. Сердце учащенно бьется. Озираюсь по сторонам — никого. Быстро вскакиваю, хватаюсь за верхний ряд проволоки и в одно мгновение, по казачьи, перемахнул на ту сторону. Под тяжестью моего тела проволока издала жалобный визг, неся его вдоль границы, пробуждая спящих часовых и оповещая их, что не все благополучно на границе....

Когда я уже лежал в 30 метрах от нейтральной зоны, до меня доносились звуки суматохи среди охраны границы, потревоженной визгом проволоки. Но я был уже в Польше...

Н. Лапкин

ЗА ЧТО?

(Светлой памяти сотника И. Е.).

День Иоанна Крестителя. Память, помимо воли, бурлит прошлым. Несутся видения минувшего. Страшные были встают во весь свой огромный рост... Молитвенно склоняю взор перед святым подвигом молодого казачьего побего. Близкие, дорогие сердцу, встают и проходят они в моем прошлом: учащиеся, офицеры, односумы - казачата, едва возмужавшие фронтовики... В эмигрантской неволе молюсь о вас, ушедшие от мира сего, а сердце невольно поет славу

живым ныне шахтерам, угольщикам, сапожникам, нищим и пр., и пр... И не брошу я в вас камня осуждения за проявление, иногда малодушия, за разочарование, за блуждания... Славу поет вам мое сердце и глубоко верит ум, что сердца, через страдания очищаются и скоро забываются они в таз горячею любовью к родному идеалу чисто казачьих чаяний! Кто много любит — тому много прощается, но горе судьям, держащимся устава, яко слепой стены!..

...Рыдала степь. Лютым волком выл ветер, сметая снег. В ужасе цепенел Дон, скованный льдом. В тылу царил паника. Неважные новости шли с фронта. Умирал 1919 год вместе со смертью казачьих героев... И катились под напором «красных» — «белые». Мышиными глазами хищников смотрели, тыловые герои. Беспочинно придирались к служащим брюзгливые и злые пачальники, сматывая удочки, готовясь к отступлению. Жаль им было нажитого и изливали они свою злобу перед всем и вся...

Печальные дни переживал любимый город Новочеркасск. Бродили здоровые от жиру блюстители «порядка» — ставленники Добрармии, — озадаченные успехом героя Мамонтова в недавнем прошлом и реакцией на мученическую смерть казака-священника...

Наполнили город фронтовые полки исхудавших людей с глазами мучеников. Неоднократно раненные, молодые командиры полков и сотен вели назад своих героев, под напором неслыханных сил красных. Безрукие и безногие чудо-богатыри Донской армии готовились к решительным боям, а трусливые работники слова и «самокоронованные» собиратели земли русской писали нелепые программы и, стараясь воскресить умершее, «чудили». Вторил им и «страстотерпец» мужик, вооружившись дрекольем и вилами и потерявши веру во всех...

На окраине города расквартировался и N полк только что вернувшийся с фронта. Жаждали казачьи сердца хоть маленького отдыха. Буквально три четверти казаков были разуты и разлеты. Ждали от интендантства милости. Осаждали его командиры и, кормимые обещаниями, питали надежды. Враг же не дремал. Все ближе и ближе приближались его полки. Последние дни переживал город легендарных атаманов...

Командир сотни, сотник И. Е., буйный и беззаветно любящий свое «войско», осаждаемый казаками, лгал себе и людям слово экипировать нуждающихся. Да как же и быть иначе? Вель все его односумы, все эти герои с бесстрастным сердцем, росли вместе с ним, верили ему точно так, как верил и он своему, еще

не тронутому эгоизмом, душою в существование великой правды. Как и казаки его, так и сам сотник знал не только родословную, но и все, чем полны их сердца...

Страшная новость потрясла Новочеркасск. Утром покидают город — враг за спиной.

Зашуршали книгами и бумагами архивные крысы. Забрыли оружием борцы. Одни приготовились бежать, другие — драться. В этот ужасный момент всеобщего напряжения побрели по городу команды к интендантству. Под влиянием выпитого вина, веселый, но не пьяный, сотник Е., предчувствуя приближающуюся смерть, решил, во что-бы то ни стало, одеть соратников. Энергично ворвался сотник в интендантство. Обращаться было не к кому. В досаде стрелой вылетел он на улицу, построил казаков и, злой, повел их назад. Вдруг видит: на тротуаре казаки других частей переобуваются в сапоги, вынесенные из покинутого магазина офицерского общества.

— За мною, ребята! — крикнул сотник и вместе с казаками ворвался в офицерский магазин, заведомо зная, что все будет брошено, а казаки остались бы разутыми. Но, налетели «блюстители». Не сопротивлялся лихой сотник, хотя имел возможность разогнать эту рвань в три счета. Подчинились блюстителям и несколько казаков. С сознанием полного своего права шел арестованный сотник туда, куда его вели. Глубоко верил он, что там поймут его. Спокойно смотрел степной орел на свет Божий. Верила душа — родные станичники оценят.

Утром части покинули город. В стороне от его центра, в одной из улиц, подобно букве П, стояла виллица, а на ней висел, соблюдавший заповедь Спасителя: «Люби ближнего своего, как самого себя», тот, «кто душу свою отдал за други своя». То был сотник И. Е.

Спустя два месяца, полные обмундирования интендантские склады Новороссийска горели, освещая путь косяблям, уносившим «белую» армию и наивное Казачество, которое не раз саблею своею чертило в прошлом границы Российского государства...

Е. Булавин

Иван Тамлык

«Ни хлеба, ни картошка».

1918 год. Я со своими тремя сотнями казаков расположился на речке Дарье. Приходят с вечерним докладом ко мне вахмистр и только что вернувшийся из раз'езда урядник.

После доклада, перейдя на посторонний разговор и лукаво улыбаясь, они сказали мне, что к раз'езду «прибылся» мужиченок, «кацап».

— Ну, что же дальше?

— Да он хочет, чтобы мы взяли его к себе и обещал быть полезным.

— Позовите его сюда.

Прибегает молодой хлопец лет 16-17. Каково же было мое удивление, когда я, вместо мужиченка, «кацапа», увидел настоящего персидского юношу, одетого в обтрепанную шинель, но в хорошей нашей, кавказской каштановой папаше и подпоясанного отличным, под серебром, поясом.

— Ты кто такой? задаю вопрос.

— Я Иван Хлебников, Ага командор.

— Каким же образом ты стал Иваном Хлебниковым?

— Не вериш, Ага командор?

И он быстро сняв шапку, осенил себя крестом. Это совсем забавно.

— А ну-ка, расскажи, как это случилось?

— Я буль маленка малчишка, отца и мат не буль. Мне визал один солдатски офицер, командор он буль Хлебников. Я ему казал — буду с ним. Он мне кре-

стиль на Иван Хлебников. Теперь куда он ушел, я не знаю, а я не хочу мужиком бит. Пожалус, ага командор, возми мене, я буду хороцо.

Посмотрел я на него, подумал: хлопец разбитной, может пригодиться. Приказал вахмистру пристроить его пока временно ездовым в обоз, где бы его немножко подтянули по казачьи, чтобы он знал, что к чему.

Недели через три каптенармус и казаки в обозе и мастерских так подтянули молодого персиченка, что он попросил у вахмистра разрешение поговорить со мной. Явился он ко мне подтянутый, вымытый, в чистой гимнастерке, в хороших сапогах (которые ему сделали в сапожной мастерской).

— Здравствуй, Хлебников!

— Здравие желаю, господи есауль!

Я улыбнулся и подумал о производстве в Господа Бога.

— Так о чем ты хотел меня просить?

— Я не хочу бит мужика, я хочу казак.

— Так ты же на коне ездить еще не умеешь?

— Нет, умеешь, господи есауль. Я уже купи себе седле.

— Вахмистр, а ну ка дайте ему лошадь, пусть оселлает и покажется мне.

Появляется приличный молодой всадник, сидит правильно и даже шеголевато. Я приказал ему слезть, показать коня, потом сесть и еще проехать и нашел для начала вполне достаточной его подготовку.

— А стрелять умеешь?

— Так точно умеет и не плохо, ответил подошедший урядник, который, как оказалось, в этот промежуток времени усиленно натаскивал понравившегося ему персюченка, который уже десяток раз участвовал в боях без моего ведома.

— Ну, хорошо. Вахмистр, дайте ему лошадь и назначьте в какой нибудь взвод.

Позвал Хлебникова и говорю ему, — что с сегодняшнего дня он будет иметь лошадь и будет везде с нами в боях, как настоящий казак.

Вдруг мой «Иван» бросил лошадь, подскочил ко мне, сначала лихо «козырнул», сверкнув глазами, а потом сложил свои руки, как берут горстями воду, подставил под мои пальцы и затем приложил к своим глазам. (Персидская признательность высшей степени: Твое место у меня на глазах).

Я сам около двух лет был в Персии и Месопотамии, то этот порыв полудикаренка мне был вполне ясен, а что это было искренно в том, я тоже не сомневался. Этот порыв так меня тронул, что я положил ему свою руку на голову, приласкал его и обещал ему во многом помочь.

— Господи есауль, я хочу казак фамилию, я не хочу эта «ни хлеба, ни картошка».

— А какую же ты хочешь фамилию?

— Я хочу казак фамилию, ты знаешь, Бекеш (станица Бекешевская), Пашинка (ст. Баталпашинская).

— Хорошо, ответил я после некоторого размышления. С сегодняшнего дня ты будешь называться Иван Тамлык (речка, приток Кумы). Вахмистр, чаще называйте его по фамилии, чтобы он не забыл и занесите его в списки.

— Я умею читать, господи есауль. Ты напиши мне на бумажка.

И так прибывшийся «кацап» стал казаком Иваном Тамлык. Особенно это подтвердилось тогда, когда я получил удовлетворительный ответ от станицы на свой запрос по этому поводу: чтобы принять в станицу Ивана Тамлыка казаком.

Прошел год. Иван Тамлык принял совершенно новую окраску — и по духу, и по наружности. Ни одного недоразумения с ним не произошло. Всегда внимательный и исправный, а в разъездах незаменимый хищник.

Наблюдая за ним в течении года, я не раскаивался, что принял в нем горячее участие.

В боях под Дебальцево-Чернухино Иван Тамлык был серьезно ранен, был отправлен с другими в госпиталь, где по документам уже прочно значился: казак Иван Тамлык. Через пол года мой Тамлык вернулся снова в свою сотню, которая тогда уже была в составе одного из полков 1-й Кавказской дивизии. Теперь Иван Тамлык выглядел совсем красавцем. На бледном, матовом лице его ярко выделялись черные юношеские усики. Одет он был уже настоящим казаком. Когда я с ним поздоровался, то он все так же ответил: здравия желаю, господи есауль.

— Ну ты что же. Тамлык, и до сей поры не научился правильно говорить?

— Я слава Бог, я еще поучит, я теперь не мужик хлеба — картошка, я казак.

Помню, как сейчас, этого полудикаренка «прибывшего» к казакам, и в течении двух лет выросшего и развившегося в красивого юношу и доброго, исполнительного и бесстрашного казака. Можно было ожидать от него много хорошего и в будущем, но рок сулил иначе... Заболел тифом, попал в госпиталь, а куда дальше его судьба забросила — ведает Аллах...

Казачья эмиграция

В. К. во Франции

В ТУРКУАНЕ.

1. 14 декабря 1935 года.

Вольно-казачья имени атамана К. Булавина, станица в г. Туркуане 14 декабря праздновала национальный праздник, восьмидесятый юбилей выхода в свет журнала «ВК», и трех-летний юбилей создания станицы.

Начало празднества было назначено в 6 часов вечера. К назначенному времени собрались все вольные казаки и их гости, казаки, не состоящие в рядах в.к. движения, и друзья украинцы. Станичники и гости разместились за обильно сервированным столом, напротив коего красовался герб ВК, исполненный другом в.к., украинцем Здорским. Ожидали мы в этот день к себе и гостей — Походного Атамана, но, по независящим от него обстоятельствам, он не мог присутствовать на нашем празднике, к большому сожалению вольных казаков и их гостей.

Открывая празднество, станичный атаман сотник А. Г. Дронов поздравил в.к. с национальным праздником, а затем, приветствуя гостей, в кратких словах пояснил им значение этого знаменательного дня. Продолжая, станичный атаман в кратких и общих чертах объяснил прошлое Казачества, его жертвы в борьбе за самостоятельность и призывал всех вольных казаков твердо стоять на пути к освобождению, готовиться и быть готовыми к тому часу, когда распятая на кресте казачья Родина позовет своих верных сынов седлать коней и всесокрушающей лавой ринуться на врага...

После станичного атамана, станичник В. Т. Богданов, в свою очередь, обращаясь к гостям, сказал, что сегодня день национального праздника в.к., а так же и трех-летний юбилей создания станицы... А затем в кратких и общих чертах пояснил, каким

ценным литературным кладом является для вольных казаков их журнал «ВК», который, выйдя в свет восемь лет тому назад, своей проповедью пробудил национальный дух казаков и собрал их под свое знамя с лозунгом: «Наш девиз — Казачья Воля, Казакция — наша цель». День выхода в свет журнала «ВК», 10 декабря 1927 г., и есть начало эпохи национального возрождения Казачества и день национального праздника.

Украинец И. М. Зубко, обратившись к в.к., сказал: «Братья в.к.! Став на путь борьбы за освобождение вашей родины и подняв знамя за ваше национальное возрождение, будьте же крепки духом и сильны верой. Выше поднимайте ваше знамя, будьте едины и крепче сплотитесь вокруг вашего знамени и это одно уже приблизит вас к цели. Ваше крепкое единение и будет верным залогом к победе за вашу самостоятельность. Поднимаю мой бокал за всех вольных казаков и за Походного Атамана И. А. БИЛОГО. Слава ему! Слава вам!

— Слава! дружно ответили вольные казаки.

Старейший в.к. сотник И. В. Федотов обратился к в.к. со следующим словом: «Я уже стар и не могу равняться силами и здоровьем с вами, молодцы. Болея душой по покинутому Седому Тихому Дону, все же не могу не порадоваться видя, как вы, молодые и более сильные, дружно стали на свой казачий шлях и смело подняли знамя борьбы за волю Казачью. Как старый казак, заявляю вам, что спасение Казачества только в его освобождении. Идите вперед, как шли в бой за Волю и Свободу ваши предки Атаманы. Поздравляю вас с нашим национальным праздником и желаю, чтобы в будущем году вы так же дружно собрались бы праздновать его, но уже на освобожденной казачьей Родине. Я верю, что мы будем там. Так дай же Бог вам крепкого здоровья и сил,

Да здравствует ВК! Да здравствует Походный Атаман!

Эти слова старого казака были покрыты громкими аплодисментами и криками: — Слава ВК! Слава Походному Атаману!

Несколько хороших слов сказал станичный писарь **С. М. Антипов**, напомнив в.к., как свято исполняли долг перед Казачеством наши предки, атаманы и казаки, народные избранники. Мы, в.к., должны так же следовать их примеру, черпать в них нашу силу и веру в нашей борьбе за освобождение.

Очень хорошо сказал небольшую речь станичник **В. Чекин**, напомнив присутствующим бывшее прошлое Казачество, его славу, его походы против врагов басурман и те подвиги, которые не только не забыты казачьей историей, но воспеваются и в песнях, и в былинах, и рассказываются в сказках. В заключение ст. Чекин красиво продекламировал стихотворение П. Полякова, а в особенности с большим подъемом подчеркнул фразу: «Степан Разин! из гроба выходит, Сам судей на Москву ворочусь». Дружные и громкие аплодисменты были ответом всех.

Станичник **А. А. Лесников** (не в.к., гость) обращаясь ко всем присутствующим заявил: «Все, что мне пришлось слышать здесь о Казачестве, все, что пришлось прочесть в журнале «ВК» со дня его выхода и по сие время, — есть самая чистая и неподкупная правда. Как казак, горжусь прошлым Казачества, люблю свой край родной. Видя, с какой гордостью поднято знамя борьбы в.к. за освобождение казачьей родины, прошу вас, братья в.к., принять меня в вашу станицу, т. к. и мыслями, и душою, и моими стремлениями я уже с вами. Если в борьбе за освобождение моей родины мне нужно будет отдать мою жизнь — я готов! Слава ВК! Слава Походному Атаману И. А. Билому!»

Это заявление ст. Лесникова вызвало бурю громких аплодисментов и радостных восклицаний всех вольных казаков.

Покончив с официальными выступлениями, в.к. и гости начали искренно веселиться, вспоминая, как веселились когда то у себя в родных станицах. Были песни казачьи. Красивым голосом спела несколько романсов жена помощника станичного атамана в.к. **Кривоносова**, а потом жена станичного атамана (француженка) спела на нашем языке «Стеньку Разина». Были и танцы казачьи. Восемилетний Сережа Смагин спел несколько казачьих песен, а затем со своим отцом лихо, в присядку оба задали такого казачка, что вызвали целую бурю оваций по своему адресу.

Долго веселились казаки и гости, радуясь, что, собравшись тесной дружной семьей, временно переключившись своими воспоминаниями в прошлое, тряхнув казачьей стариной.

Уже два часа ночи, время расходиться, но не охота расходиться казакам. Гости, прощаясь с в.к., сердечно благодарили за радостный, прием и за доставленное удовольствие пожить несколько часов воспоминанием о прошлом и тем забыться временно от действительности будничного дня.

II. 4 января 1936 г.

4 января 1936 г. вольные казаки г. Туркуана имели большую честь и радость приветствовать у себя Походного Атамана инж. И. А. БИЛОГО. Так как Походный Атаман ожидался в Туркуане 14 декабря 1935 года, в день празднования в.к. национального праздника, но по независящим от него обстоятельствам не мог этого сделать, то чтобы выпить встрече давно ожидаемого гостя больше торжественности, в.к. организовали вторично вольно-казачий семейный вечер, как бы продолжение вечера 14 декабря, пригласив, как и в первый раз, и других казаков, не состоящих в рядах ВК.

4 января в 4 часа 35 мин. станичник **В. Т. Богданов** встретил Походного Атамана на вокзале в г. Лилле. Поздравил его с благополучным приездом и

Новым Годом, а затем вместе отбыли из Лилля в г. Туркуан, куда и прибыли в 6 ч. 15 м., где Походный Атаман был встречен станичным атаманом сотником **Дроновым**, его помощником подхорунжим **Кривоносным**, станичным писарем **Антиповым** и др. в.к. В 7 ч. 30 м. при входе в помещение, где был устроен вечер, все в.к. и их гости встали, а старейший казак станицы сотник **Федотов** встретил Походного Атамана приветственным словом от имени в.к., поздравил его с Новым Годом и благополучным приездом и, по обычаю казачьему, поднес ему хлеб-соль на специально приготовленных в подарок Походному Атаману — вышитом полотенце прекрасной работы украинки пани Зубко с вышитой надписью: «Походному Атаману ВК И. А. Билому от в.к. Булавинцев» и на деревянном подносе с такой же надписью с прекрасно исполненным (вырезанным) гербом Казакии, работы друга в.к. украинца Здорского.

Выслушав приветственное слово старейшего казака и откушав хлеба и соли, Походный Атаман был отведен на приготовленное ему место за трапезным столом, под гербом Казакии, художественно исполненной работы того же Здорского.

Открывая празднество, станичный атаман сотник **Дронов**, обращаясь к в.к., сказал: «Станичники, 14 декабря мы праздновали двойной праздник. Первое — мы праздновали в.к. национальный праздник, а другой — трех-летний юбилей создания нашей в.к. станицы. Сегодня мы празднуем тоже двойной праздник. Первое — имеем честь видеть среди нас нашего первого избранника, Походного Атамана ВК И. А. Билого, а другое — мы продолжаем праздновать уже начатый нами 14 декабря в.к. национальный праздник. Поэтому прошу вас, станичники и станичницы, разрешите мне, вашему станичному атаману, от вашего имени приветствовать нашего гостя, Походного Атамана ВК И. А. Билого.

После этого станичный атаман от имени всех в.к. выразил ему искренние чувства, преданности в.к. и приветствовал П. А. и поздравил его с Новым Годом, их твердую уверенность, что П. А., став во главе всех в.к., приведет их в будущем году в освобожденную родину Казакию. Поднимая бокал, станичный атаман воскликнул: «первый бокал за нашего гостя П. А., первого патриота, смело и гордо поднявшего знамя борьбы за освобождение Казачества! Слава Походному Атаману! Слава Вольному Казачеству!»

Громкое и дружное Слава было ответом.

Встает Походный Атаман, чтобы ответить станичному атаману, в.к. встречают его громким Слава! Походный Атаман, отвечая на приветствие, сказал, что он очень рад видеть всех в.к., собравшихся в такую дружную семью. Затем, продолжая дальше, поздравил всех в.к. с Новым Годом и пожелал, чтобы празднование в.к. национального праздника в будущем году было уже в освобожденной нами Казакии... И это будет так, если все в.к. все как один еще крепче сомкнут свои ряды вокруг знамени Вольного Казачества!

Раздается дружное Слава!

После первого тоста в честь П. А., станичный атаман сказал короткую речь, выслушанную со вниманием, после чего попросил П. А. сказать в.к. и свое слово.

Походный Атаман, обращаясь к в. казакам и их гостям, произнес большую политическую речь. Коснувшись прошлого Казачества, он подчеркнул самостоятельность исторического развития Казачества, решительно отверг русскую теорию происхождения казаков от беглых русских холопов. Проследив, далее, постепенную потерю политическо-государственной самостоятельности казачьих республик, П. А. показал одновременно, что своего проплого Казачество все же не забыло, никогда себя с Россией и с русскими людьми не отождествляло, а когда наступило время, вновь восстало к самостоятельной жизни. Подробно остановился П. А. на возрождении и восстановлении идеи казачьей независимости, на борьбе с русскими

большевиками, на причинах поражения, на возрождении ВК идеи заграницей.

Касаюсь положения Казачества там и положения казачьей эмиграции здесь, П. А. особенно упирал на то, что выход для Казачества есть, но только один, свой выход — своя Казачья Дорога, своя казачья программа — ВК программа.

Перед Казачеством скоро еще раз станет вопрос об экзамене на свою политическую и историческую зрелость и нужно, чтобы мы этот грядущий экзамен выдержали. А чтобы мы его выдержали, надо к нему теперь уже и усиленно готовиться. Надо самим думать о себе, надо самим брать свою судьбу в свои руки. В недавнем прошлом мы предоставили было свои силы в руки других и позволили им думать о нашей судьбе, а в результате очутились заграницей... Этого второй раз позволить себе не можем...

В большом свете готовятся большие события. Надо, чтобы готовились к ним и мы... Если надлежало бы подготовиться, если дружно все станем за одно — за Казачье Дело, если будем служить только ему, тем самым найдем и выход из тяжелого настоящего к лучшему будущему Казачества...

Объединимся же и будем вместе ковать свое казачье будущее! закончил П. А.

Речь, сказанная П. А., была выслушана с большим вниманием. Во время речи чуть ли не каждая фраза покрывалась бурными аплодисментами в.к., как полное доказательство того, что в.к. всецело одобряют политику П. А. и взятый им путь, как самый верный к достижению цели — спасения Казачества и освобождения его Родины.

По окончании речи П. А., было задано ему одним из приглашенных казаков два вопроса: «Что такое самостийники? Кем являются, в конце концов, казаки?» На заданные вопросы П. А. дал самое обстоятельное и исчерпывающее пояснение, на что задавший вопросы сказал, что ответами удовлетворен и ничего возразить не может.

Покончив с ответами на вопросы, П. А. предложил тост за братьев казаков, томящихся в красном плену и протягивающих к нам руки, моля о помощи, о спасении. Все встали и, подняв бокалы, мысленно послали туда... к братьям в плену свой ответ: «Слышим ваши стоны! Чьем вашу скорбь! Мужайтесь братья! Уже взошла заря близкого вашего и нашего освобождения и недалек уже тот час, когда снова соедемся мы вместе, но уже на освобожденной родине Казакии!»

Третий тост был поднят за всех вольных казаков, в рассеянии сущих, но вспомнивших свой сыновний долг по отношению к своей Родине и ставших под знамя борьбы за ее освобождение.

Четвертый тост был поднят П. А. за в. казаков станицы имени К. Булавина, за то, что являясь истинными националистами, сумели, несмотря на трудные обстоятельства, создать крепкую в.к. организацию... Смотря на ваши радостные лица, вижу, насколько ваша в.к. семья является дружной и крепко спаянной одним желанием, одним и тем же стремлением к идее освобождения. Поэтому от души желаю, чтобы и в будущем ваша станица была такой же. посла, расцветала и развивалась на славу Вольного Казачества!

Громкое Слава! было ответом П. А. на его слова, сказанные по адресу булавинцев.

Выступали с речами и другие в.к. Между прочим нельзя не отметить выступление украинца И. М. Зубко и станичники Чекина.

И. М. Зубко: «Дорогие станичники, станичницы и Вы, станичник Походный Атаман! Поздравляю вас всех с в.к. национальным праздником и Новым Годом. Вы, славные булавинцы, имеете счастье и честь приветствовать сегодня приезд вашего первого избранника. Сегодня вы празднуете день торжества победы юбилей выхода в свет любимого казачьему сердцу казачьей правды над вражеским злом и восьмилетие журнала «ВК». За восемь лет журнал много поведал правды, много рассказал о былой славе казачьей, о

муках и страданиях ваших предков атаманов, борцов за волю казачью. Рассказывая о былом Казачестве, он указал вам и путь... И этот путь — независимость Казачества, по которому должен идти каждый казак, в ком жива еще искра любви к своей Земле и кто помнит о своем долге перед своей Родиной. Вам же, станичник П. А., пошли Всевышний Бог здоровья, крепких сил и мудрости в Вашей великой и тяжелой работе по освобождению Вашей дорогой родины Казакии и спасения обездоленного Казачества. Приветствую братьев казаков и моих братьев украинцев, находящихся под игом Московий, и говорю, что близок час их освобождения, ибо мы, эмигранты — их братья, — став на путь борьбы за освобождение Родины, будем вести эту борьбу, пока не победим...

Братья в.к.! Желаю вам быть едиными, ибо в единении сила. Мы, украинцы, тоже имеем такую же цель, такие же стремления, что и вы. Мы, ваши соседи, — друзья и союзники в священной борьбе за освобождение из под красного ига двух братских родственных народов. Ваша цель и наша цель диктуют нам быть вместе и рука об руку вести эту национально-освободительную войну... И мы с вами. Я глубоко верю, что близок час, когда Казачество объединится в одну мощную единую казачью семью и твердой ногой станет на настоящую казачью шлях-дороженьку. Верю и в то, что недолго осталось ждать Вольному Казачеству, когда оно услышит знакомый казачьему сердцу клич: «Гей, ви, козаченьки молоденкі, а де ж ваші коники вороненькі!»

Заканчивая свою речь, И. М. Зубко воскликнул: Слава Вольному Казачеству! Да здравствует священный союз угнетенных Московью народов! Слава Походному Атаману ВК И. А. Билому!»

Буря громких аплодисментов и Слава! — был ответом говорившему.

Вольная казачка **Чекина:** Станичники и станичницы! я не казачка по крови, но горжусь тем, что я жена вольного казака и мать маленького казаченка. Подарив моему мужу сына, я задалась целью воспитать его в духе его отца, ибо знаю, как говорит Донской Баян Петр Крюков, — «Пройдут лета, в кругу казачьем, потомки наши помянут...» Поднимаю бокал и приветствую Вас, станичник Походный Атаман, станичники и станичницы, и поздравляю всех вас с Новым Годом, с новым счастьем и желаю вам скорее достигнуть нашей цели возвращения в родную Казакию.

В дополнение к сказанному, в.к. Чекина продекларировала «Переключку» Ив. Томаревского:

«Голос с Дона раздастся,
На Кубани речь звучит,
Терек бурный с гор несется,
Громыкает и стучит,
А на севере далеком
Волга Разина шумит,
И Яик седой с востока
К делу общему спешит.
Все пять рек заговорили,
Зашумели о былом,
О Свободе Казакии
Вольном полюшке своем...
Эх, Казачество, сомкни-же
Свои вольные ряды,
Стремя к стремени поближе —
Коней к бою станови;
Лавой гибкой огневою
Из полей врага гони.
Чтоб не пахло в них Москвою,
Были-б в них лишь казачки!»

Слава вольному Казачеству! Слава Походному Атаману! — закончила в.к. Чекина.

Громовые аплодисменты и крики громкое Слава! — было ответом.

Вслед за женой встает ее муж, в.к. Чекин, и декламирует стихотворение И. М. Назарова: «На смерть Анатолия Назарова».

После декламации Чекина, донской казак **Ше-**

вырев (приглашенный) подает станичному атаману письменное заявление о принятии его в станицу. Это заявление сейчас же было прочитано во всеуслышание и было удостоенное одобрения Походного Атамана. Вольные казаки, стоя, приветствовали заявление станичника Шевырева. 14 декабря на вольно-казачьем семейном вечере, подобный жест был сделан станичником **А. А. Лесниковым**.

В. Богданов: Лично от себя и от чистого сердца приветствую станичников Лесникова и Шевырева и восклицаю: Слава вам, славные сыны вольного казачества! Ваш жест достоин подражания. Глубоко верю, что найдутся еще и еще казаки, в ком жива еще память о прошлом, имеющие искру любви к своей родине и национальное сознание собственного — я, которые в порыве национального чувства не замедлят последовать вашему примеру. Слава вам!

Маленький вольный казак **Сережа Смагин** спел П. А. казачью песню, доставив этим ему большое удовольствие. П. А. облакал маленького казака и пожелал ему, чтобы и в будущем он следовал этому примеру.

После окончания официальной части, был сделан фотографический снимок, после чего все отдалось веселью. Были казачьи танцы под свой оркестр. **Сережа Смагин** на радость П. А. и всех в.к. лихо, в припадку отдал казачка со станичником Шевыревым, а потом вместе со своим отцом. В промежутке между танцами станичный атаман продекламировал поэму Полякова «Галина Булавина».

Празднование приезда П. А. и в.к. национального праздника прошло с большим подъемом.

На другой день, 5 января, все вольные казаки собрались на квартире станичного атамана, куда прибыл и Походный Атаман. Беседа П. А. с вольными казаками длилась до 12 часов дня. Многие нужно было сказать П. А., да и вольным казакам хотелось поговорить с Атаманом. Но сказано было не все, да и не все вольные казаки имели возможность поговорить. Но разве можно было за такой короткий срок сказать все?

Давно уже вольные казаки гор. Туркуана не проводили так хорошо время своей дружной семьей и в такой приятной обстановке, как провели вечера 14 декабря и 4 января.

Многим обязаны в казаки и распорядителю, станичному казначею **М. В. Красноплахтову**. За его труды и добрую волю по устройству двух вечеров, за его энергию и образцовую распорядительность вольные казаки г. Туркуана приносят станичнику Красноплахтову большое сердечно вольно-казачье спасибо!

В. Богданов.

В КНЮТАНЖЕ.

ПРИГОВОР.

Лотарингской объединенной вольно-казачьей станицы

1936 года, 2 февраля на станичном собрании Лотарингской объединенной станицы, под председательством станичного атамана сотника **А. С. Ивашкова** слушали:

Слово станичного атамана о вступлении всей станицы в ряды Вольного Казачества и о признании Походного Атамана ВК, природного казака станицы Ольгинской, Кубанского Войска, Игната Архиповича **Билого**.

1. После продолжительных прений открытым голосованием, большинством всех при одном воздержавшемся, ПОСТАНОВИЛИ: а) открыто вступить в ряды Вольного Казачества, б) признать Походного Атамана ВК, природного казака станицы Ольгинской, Кубанского Войска, Игната Архиповича **Билого** и в) просить окружного атамана **А. К. Ленинова** зачислить нас в вольно-казачий Округ во Францию.

2. По предложению станичника **Гукова** еди-

ногласно постановили: от сегодняшнего дня нашу организацию именовать: «**Лотарингская Объединенная Вольно-Казачья Станица**».

3. По предложению **М. М. Флизани** единогласно постановили: как вновь вступившей организации в ряды ВК приветствовать письменно Походного Атамана ВК, а текст приветствия поручаем выработать станичному правлению.

— Слушали словестное заявление казака Всевеликого Войска Донского, Новочеркасской станицы, **К. М. Самсонова** о вступлении в Лотарингскую объединенную в.к. станицу.

— «В добрый час!» был дружный ответ станичного сбора.

Приговор подписали: станичный атаман сот. **Ивашков**, станичный писарь хор. **Гуков**. Вольные казаки: **Н. Е. Василенков, Ф. С. Сергеев, К. М. Самсонов, М. М. Флизани, Т. В. Лиховидов, А. Ф. Алаев**.

ПЕРВОМУ ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВК ИГНАТУ АРХИПОВИЧУ БИЛОМУ.

Открыто вступив в ряды Вольного Казачества, мы, вольные казаки Лотарингской объединенной ВК станицы сердечно приветствуем и шлем наилучшие пожелания неистощимого здоровья и сил Вам, господин Походный Атаман, на Вашем тяжелом и тернистом пути.

Знаем мы, что после поражения нашего русскими красными армиями на фронте, а в тылу — обрусевшей казачьей старшиной, Вы, более душой за дальнейшую судьбу Казачества, с несколькими достойными казачьими патриотами, подняв гордо чисто казачье знамя, поставили казачий вопрос на повестку сегодняшнего дня и, к конфузу всех врагов Казачества и противников казачьей воли сказали, что Вопрос Казачий существует.

Знаем мы также, что Казачий Вопрос Вы разрешили достойным образом и дело казачьего возрождения находится в надежных и достойных казачьих руках, в чем, главным образом, и залог нашего успеха. Ведь для нас, казаков, прямых потомков тех, кто никогда не спрашивал — сколько там врага, а только узнавал — где он, ясно, что торжество конечной победы зависит не от количества, а или грубой силы, а от их качества и желания победить... И мы победим!

Веря в торжество конечной цели, сплотимся и стойко станем заодно вокруг своего, избранного вольными голосами, Походного Атамана с тем, чтобы всеми силами содействовать достижению поставленной Вольным Казачеством цели — создания свободного и независимого государства **Казаккии**, а вождю и создателю ВК, Вам, Игнату Архиповичу, пожелаем крепкого здоровья и сил — довести великое казачье национальное дело до благополучного конца.

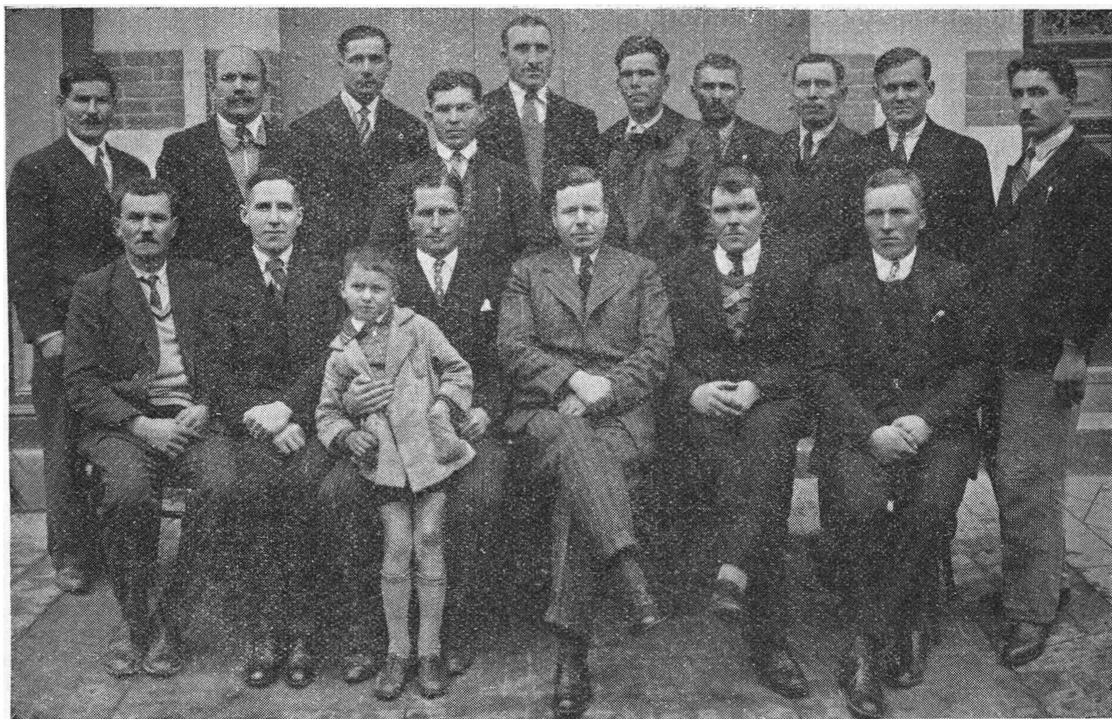
Держите же твердо и высоко знамя Вольного Казачества, дорогой наш Атаман, и знайте, что недалеко тот час, когда все Казачество, олушеченное и объединенное ВК идеями — итеей Свободы и Независимости, сплотится вокруг Освободительного Казачьего Знамени. Ваша же неустанная работа на благо Казачества оценена нами и будет оценена историей борьбы Казачества за свою независимость — там Вы займете почетное место.

Да поможет Вам Господь Бог в Вашей неустанной работе! Да сохранит Он Вас на долгие, долгие годы на благо и счастье свободной Казаккии!

Выражая свою искреннюю радость по поводу открытого вступления всей станицы на исконный вольно-казачий шлях, мы так же сердечно приветствуем и шлем наш казачий привет всем окружным, станичным, хуторским и куренным атаманам и атаманам-молодцам всего Вольного Казачества.

Слава первому Походному Атаману ВК! Слава Казачеству! Слава Казаккии!

Ст. а. **А. Ивашков**. Ст. писарь хор. **Гуков**,

Ошская ВК станица в день приезда Походного Атамана.
Посредине сидит П. А. инж. И. А. Билый, направо от него — станичный атаман А. Ильинов, налево — атаман Тулузской станицы С. И. Шепель.

В ТУЛУЗЕ.

1. ПРИГОВОР.

Вольно-казачьей имени А. И. Кулабухова станицы в Тулузе от 2 февраля 1936 года.

Мы, нижеподписавшиеся, члены в.к. имени А. И. Кулабухова станицы на своем станичном собрании в числе десяти человек, под председательством станичного атамана под'есаула **Шепеля** и в присутствии станичного писаря, есаула **Курило**, заслушав доклад о деятельности станичного правления за 1935 год, ПОСТАНОВИЛИ: постановления станичного правления за №№ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 13, 14, 15, 16; 17; 18 и 19 — утвердить. Действия станичного правления признать правильными. При обсуждении постановления № 3 об организации при станице культурно-просветительного кружка был один воздержавшийся.

Станичному атаману, под'есаулу **Шепелю** и правлению за прошлую работу выразить благодарность.

Подписали: станичный атаман под'есаул **Шепель**, писарь есаул **Курило**. Члены станицы: **А. Жданов, И. Матякин, П. Галбин, А. Дидык, Г. Шерстюк, С. Конорезов, И. Хрипушин** (с постановлением № 3 в корне не согласен), **Д. Стрельченко** и, по доверенности **Затенко** и **Тельнова**, расписался есаул **Курило**.

2. ПРИГОВОР.

Общего собрания Тулузской в.к. имени А. И. Кулабухова станицы под председательством казака **Конорезова** и секретаря казака **Ивана Хрипушина**, в присутствии 10 человек.

После обмена мнений о перевыборах станичного правления на 1936 год, приступили к баллотировке тайным голосованием (подачей записок).

Большинством голосов атаманом станицы избран под'есаул **С. И. Шепель**, его помощниками: — вахм. **Григорий Шерстюк** (он же казначей) и казак **Григорий Затенко**. Станичным писарем — есаул — **И. Т. Курило**.

В ревизионную комиссию избраны: **Артем Дидык, Дмитрий Стрельченко** и **Иван Матякин**.

О перевыборах довести до сведения Походного Атамана ВК и окружного атамана вольных казаков во Франции.

Председатель сбора **Конорезов**, секретарь **Хрипушин**.

Члены станицы: **С. Шепель, И. Курило, П. Галбин, И. Матякин, Г. Шерстюк, А. Дидык, Д. Стрельченко, А. Жданов** и по доверенности **Г. Затенко** и **Тельнова** расписался **И. Курило**.

В ВИШИ.

Перевыборы администрации.

На 1936 год правление в.к. курения имени К. Л. Бардижа в Виши избрано в следующем составе:

Атаманом курения избран станичник **Берко**, его помощником (он же и казначей) — станичник **Мардасов**, Сообщил: **Д. Чесноков**.

В. К. в Польше

В ЛУЦКЕ.

Образование ВК станицы.

2 февраля с. г. в г. Луцке состоялся организационный сбор в.к., проживающих в г. Луцке и его окрестностях. Кроме этого, на собрании присутствовали и представители от казаков, проживающих в уездах: Ковельском, Дубенском и из Владимира-Волынского. Присутствовали так же и гости: уполномоченный уездного Луцкого старосты, как представитель власти, инж. **Ю. Ф. Константинов**, г. **Генрих Шерауц** и др.

Перед открытием сбора о. **Дмитрий Чирский** начал петь «Царю Небесный», подхватившие казаки совместно пропели молитву.

Повестка дня была: 1) Открытие сбора, 2) выборы президиума сбора, 3) доклад: Вольное Казачество и его цели, 4) принятие статута, 5) вопросы и разъяснения статута, 6) выборы станичного правления и доверенных, 7) текущие дела.

1). В 12 часов дня инж. **Ф. М. Штохвань** объявил организационный станичный сбор открытым.

После открытия сбора, первым словом инж. Штохвань просил всех присутствующих почтить вставанием и минутным молчанием память великого патриота и строителя государственного Польского, первого маршала Иосифа Пилсудского. Все встают.

Сердечным словом инж. Ф. Штохвань вспомнил далее всех казачьих патриотов, жизнь отдавших за Казачество, а равно и всех казачьих матерей, умерших от тоски по павшим своим сыновьям, в борьбе за долю и волю Казачества, и всех казаков, погибших от руки врагов. Вспомнились могилы, в которых отдыхают останки поэта Б. А. Кундюкова и ген. Т. М. Старикова... Память их всех сбор почтил вставанием.

2). Председателем сбора избран инж. **Ф. М. Штохвань**, а секретарем — хор. **Е. А. Кротов**.

Председатель благодарит сбор и приглашает всех серьезно относиться к решению вопросов сбора. Казаки встают и поют Донской гимн. После пения председатель сбора приветствует представителя власти, всех присутствующих на сборе дам, гостей и всех казаков. Отдельным словом приветствует, с пожеланием сил и здоровья для работы на пользу Казачества, Походного Атамана ВК, инж. **И. А. Билого**, а равно и всех в. казачьих окружных, станичных, хуторских, куренных атаманов и всех в. казаков.

После этого председатель сбора оглашает приветствие от Походного Атамана ВК организационному сбору вольных казаков в Луцке.

Приветствие это кончается так: «Пусть же ваше начинание будет хорошим и успешным началом нашей дальнейшей там организационной работы казачьего национально-освободительного движения, поставившего пред собою великую, казачью цель освобождения Казачества и создания самостоятельного казачьего государства Казакии».

— Слава Казачеству! раздалися голоса казаков. — Слава!..

В своем слове уполномоченный Старосты, пан Марцелий **Куклинский**, приветствует сбор, пожелал продуктивной работы в. казачьей организации в Луцке. Инж. **Ю. Константинов** в своем приветствии пожелал успеха казакам, подх. **И. А. Пастушков** от имени всех казаков в Кошарах в своем приветствии высказал пожелание, чтобы ВК в Польше скорее выросло в организованную большую семью. **Г. Генрих Шерауц** в своем приветствии пожелал в.к. организации полезной работы на пользу Казачества.

Двенадцати-летний казак, родившийся на чужбине, только из рассказов своих родителей знает о казачьей земле, о казачьей вольности... Но, он глубоко тронул сердца всех присутствующих на сборе. Скромный, немного сконфуженный своим небогатым костюмом, но богатый казачьим духом, твердо уверенно читает:

Станичники! Позвольте от имени молодого ВК поколения поздравить в.к. сбор станицы в Луцке.

Наследник я степей родных —

Иду на смену тем борцам,

Что пролили много крови

В степях родных, — нашим отцам...

Во мне встает казачья Воля

И крепнет собственная доля —

Беру я меч, иду на смену

И гордо стану в бой на сцену...

СЛАВА КАЗАЧЕСТВУ!

Зал оглашается громким Слава! Председатель сбора целует молодого казаченка в лоб, затем отводит в сторону, где сидит его отец, и, в знак благодарности родителям за примерное воспитание сына, кланяется. На протянутом секретарю исписанном листе бумаги значилось: «Казак Войска Донского, 1-го Донского округа, станицы Чертовской, хутора Александрова, Евгений Сидорович Колотовичев...»

Затем слово предоставляется о. Дмитрию **Чирскому**. В своей содержательной речи о. Дмитрий коснулся вопроса религии и церкви Казакии, а так же подчеркнул и то, что нам нужно обратить серьезное внимание на эмигрантских казачьих детей. Помимо того

образования, которое они получают в заграничных школах, нужно помогать этим детям и их родителям воспитывать их в любви к Богу, надо учить их казачьей истории и учить любить Казачество.

В это время была получена приветственная депеша: «Сердечно поздравляю, братья казаки, с сбором и желаю осуществления нашей казачьей семьи, не должен застыть порохов в пороховницах. С приветствием есаул Донского Войска **Попов**». Было получено и письменное приветствие сбору от П. и С. **Лавровых**.

3 и 4). Доклад и статут прочитаны. Последний принят единогласно.

5) Разъяснения на вопросы о некоторых пунктах статута были даны и удовлетворили присутствовавших. Никаких прений не было.

6) Станичным атаманом большинством голосов избран инж. **Ф. М. Штохвань** (ККВ), помощником атамана — ст. ур. **И. В. Шлыков** (ВВД), писарем — хор. **Г. К. Диктаров** (ТКВ) и казначеем — ст. ур. **В. И. Васильев** (ВВД).

7) Председатель сбора предлагает: поручить станичному правлению отслужить молебен за наше начинание и панихиду по всем Атаманах и казаках, отдавших жизнь свою за Казачество. О дне молебна и панихиды известить членов станицы письменно или устно. Предложение принято.

Сбор поблагодарил Татьяну Васильевну **Диктарову** (ТКВ) за изготовление к станичному сбору казачьих флагов, которыми была украшена фотография Походного Атамана.

Сбор постановил: уполномочить станичное правление обратиться к казакам в Польше с воззванием к объединению в ВК организации.

На вопрос — не имеет ли кто еще каких нибудь вопросов в текущих делах. Вопросов не было.

Председатель сбора благодарит всех присутствующих за посещение сбора и объявляет его закрытым.

Председатель сбора инж. **Ф. Штохвань**.

Секретарь сбора хор. **Е. Кротов**.

П. С. После закрытия сбора некоторые казаки, связанные службой или по нездоровью, ушли домой. Оставшиеся, около 20 человек, провели время за общим ужином и чашкой чая.

Всем поздравившим организационный сбор Луцкой ВК станицы, устно или письменно, приношу сердечную благодарность.

Председатель сбора инж. **Ф. Штохвань**.

В ВАРШАВЕ.

2-го февраля с. г. вольные казаки, проживающие в г. Варшаве, собрались в квартире **А. М. Романова** на первое организационное собрание.

Собрание открыл старший инициативной группы **С. Г. Бородин** и предложил избрать председателя и секретаря собрания.

Единогласно председателем собрания избран **С. Г. Бородин**, а секретарем **А. М. Романов**.

После выборов **С. Г. Бородин** сделал доклад о положении вольно-казачьего движения в Варшаве и вообще в Польше. Обменявшись мнениями, собрание постановило.

1. Образовать в гор. Варшаве на основании статута, утвержденного польскими властями, Вольно-казачью станицу.

2. Произвести выборы станичного правления и ревизионной комиссии, путем тайного голосования.

Избранными оказались: атаманом станицы **С. Г. Бородин**, помощником атамана **П. И. Фирсов**, писарем **И. Т. Михайлов** и казначеем **А. М. Романов**.

В ревизионную комиссию избраны: **И. Н. Маянин**, **И. П. Рудаков** и **А. М. Бабунов**. Все — Всеволодского Войска Донского.

Копию настоящего постановления выслать в канцелярию Походного Атамана ВК и просить о зареги-

стрировании, как вольно-казачьей станицы в г. Варшаве.

Председатель собрания **С. Бородин**.

Секретарь **А. М. Романов**.

Казаки: **П. Фирсов, В. Грошев, Ан. Карташев, М. Авдеев, И. Рудаков, Н. Кривков, П. Калинин, И. Филимонов, П. Бобнюхов, С. Шумилин, А. Бабунов и Н. Манянин**.

Кроме подписавших это постановление, не присутствовали на собрании, по независящим от них причинам, вольные казаки — члены инициативной группы, из коих некоторые успели прислать доверительные записки.

Не присутствовали: подх. **Митин, Гр. Растрин, Персиянов, Ив. Михайлов, Л. Попов, Коновалов и Ив. Рябцев**.

В ПИНСКЕ.

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВК И. А. БИЛОМУ.

Мы, нижеподписавшиеся, вольные казаки, проживающие в г. Пинске и его окрестностях, на частном собрании постановили: организовать в казачий хутор, дабы объединить всех одиночек-казаков, рассеянных по всему Полесью, в одну казачью семью и войти в тесную связь с центром ВК...

Глубоко верим, что в недалеком будущем в казаки г. Пинска и его окрестностей, спаянные общей идеей, смогут из небольшого хутора создать крепкую в.к. станицу.

Подписали: ВВД ст. ур. Эраст **Семенцов**, Оренбургского каз. Войска **Семен Зуев**, подх. ВВД **Николай Кузнецов**, украинец **Антон Тонкошкур**, мл. ур. украинец **Лаврентий Карташев**, Тверского каз. Войска хор. **Ф. Бурацкий**, ВВД мл. ур. (подпись неразборчива).

В. К. в Румынии

В БУХАРЕСТЕ.

ПРИГОВОР.

1936 года, февраля 16 дня. Мы, вольные казаки, проживающие в районе Обора (предмestье Бухареста), сего числа собрались на собрание и постановили образовать вольно-казачий курень имени **Н. С. Рябова**.

Атаманом куреня избран подхорунжий **А. А. Лашко** (ККВ).

Курень сердечно приветствует Походного Атамана ВК и желает ему сил и здоровья для служения на благо всего Казачества.

Приветствуем атаманов — окружных, станичных, хуторских и всех вольных казаков.

Слава Казачеству!

Подписали: **А. Лашко, Михаил Снопко, Григорий Чудный, К. Пацац, Григорий Чапцов, Деркач**.

В. К. в Югославии

В ПАНЧЕВО.

Панчевским в.к. хутором имени **К. Л. Бардижа**, 16 февраля с. г., было устроено траурное заседание, посвященное трехлетию со дня смерти певца ВК — **Бориса Александровича Кундрюцкова**.

Атаман хутора **Р. Е. Евсюков**, открывая заседание, сказал несколько слов о дорогом нам покойнике. Мы потеряли, говорит атаман, одного из горячих патриотов, который любил Казачество до безумия и все свои силы приносил на алтарь измученной нашей Родины. Мы должны чтить память тех борцов, которые борются за самостоятельность Казачества. Он пробуждал в каждом казаке любовь к своему отчеству. Может быть была бы среди нас лучшая спай-

ка и мы были бы еще сильнее, если бы смерть не взяла от нас дорогого поэта-националиста. Его трудами здесь, в Панчево, был организован ВК курень. Приглашаю вас всех, станичники, встать и одной минутой молчанием отдать ему должное. — Слава и вечная память ему!

Станичник **Махно** просит у атамана разрешение сделать доклад и, получив таковое, говорит:

— Я сделаю маленький доклад на тему — творчество **Б. А. Кундрюцкова**.

Потом докладчик подчеркнул, с какой любовью покойный поэт относился к Казачеству. Более подробно он остановился на стихотворении его «О прошлом»: «Нам личной жизни нет, творцам Казачьей Воли, И! первым всем погибнуть суждено», — так сказал **Б. А.** Нет личной жизни потому, что Отчизна все собою отстранила...

Для **Б. А.** личной жизни не существовало. Он ее забросил на последнее место. Он творил, пел и призывал Казачество к борьбе и к правде. Он призывал к возрождению былой мощи и славы Казачества. Его душа бесконечно скорбела и, боясь того, что мы не будем готовы к боевому моменту, в одном из стихотворений он говорит:

«Свет близок, за окном — конец беды,
Приблизилась пора борьбы и дерзновенья!» —

Мы должны быть твердо убеждены и сильны в нашей вере в бессмертие казачьей идеи. Прошло уже три года, как Казачество понесло невозвратимую потерю. В такое тяжелое время, в период борьбы за независимость, такая потеря, как смерть талантливого казачьего поэта, очень ощутима.

Вся его любовь к своему народу и к казачьему государству Казаки, пусть будет светлым маяком в будущем житейском океане. Не забудем также и его завет. Призываю вас, братья казаки, теснее сомкнуть свои ряды под знаменем ВК и смело двинуться в бой за родную Казакцию.

Слава и вечная память певцу ВК!

После этого станичник **Махно** просит разрешения прочесть несколько стихотворений **Б. А.** Стихотворения были прочитаны хорошо и их смысл был разъяснен.

Казаки слушали докладчика с особым вниманием и после доклада благодарили его за его труд.

Выступавший потом ст. **Зотов**, также указывал на пламенную любовь, которой **Б. А.** любил Казачество.

После этого атаман хутора сказал, что хорошо было бы, если бы мы реже собирались на такие траурные собрания. Вы сейчас слышали от **Михаила Ивановича** и **Андрея Федоровича** о нашем дорогом певце ВК, о его любви к Родине, так давайте же идти по его стопам.

Слава Казачеству!

(Соб. кор.).

В СМЕДЕРЕВО.

ПРИГОВОР.

1936 года, января 12 дня. Гор. Смедерево.

Мы, нижеподписавшиеся, казаки Смедеревской в.к. имени **А. И. Кулабухова** станицы, сего числа собравшись в числе 61 человека, приступили к переизбору станичного правления. Председателем собрания был избран **Ф. ФЕНЯК**, секретарем — **А. ДЕИНЕГА**, а счетчиками — **Т. ГАРБУЗ**, **П. СИДАШ** и **И. ВЕРБА**.

Кандидатами в атаманы названы: **И. П. СУРМАЧ**, **П. Е. ЛУК'ЯНЦЕВ** и **И. П. ВЕРБА**.

Атаманом станицы, при закрытой баллотировке, большинством голосов был избран **И. П. СУРМАЧ**, помощником единогласно избран **В. КЛИМЕНКО**, казначеем единогласно — **М. ЖУК** и писарем большинством голосов — **А. ДЕИНЕГА**.

В ревизионную комиссию избраны: В. КОСТЮК,
В. СЫЧ, И. ВЕРБА, Ф. ФЕНЯК, Т. ГАРБУЗ.

Доверенными единогласно избраны:

С. РЕПЬЯХ и Р. РЫБАЛКА.

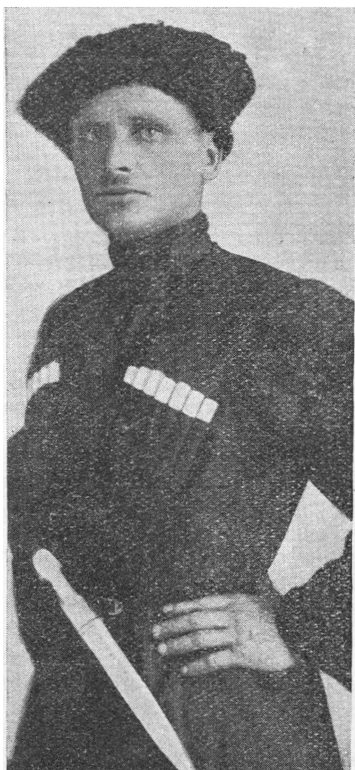
Председатель общего сбора /Федор ФЕНЯК.
Секретарь А. ДЕЙНЕГА.

В. К. в Чехословакии

† М. В. КЛИМЕНКО.

В Чехии, 21 декабря пр. года, в Градецкой больнице, после долгой и тяжелой болезни скончался вольный казак Кубанского Войска, станицы Костромской (Майк. std.) Михаил Васильевич Клименко, бывший джигит команды Цакоева.

М. В. Клименко родился в 1896 году, 21 декабря

† М. В. Клименко.

(по ст. ст.). В Европейскую войну служил в 1-м Линейном полку с 1915 года до ее окончания.

В войне казаков с русскими большевиками Клименко служил во 2-м Линейном полку. В Камышине заболел сыпным тифом, а поэтому и не попал во время отступления на Черноморское побережье. Потом во время восстания ген. Фостикова примкнул к восставшим и вместе с другими был эвакуирован в Крым, а потом — Лемнос, Сербия, работа на шоссе...

Покойный был всегда тверд казачьим духом, но эмигрантское мытарство сломили его физически. Сначала заболели почки, потом расширение печени и... не стало казака.

Пусть будет ему легкой чешская, братская земля...
Яков Акульшин.

В. К. в Болгарии

ХУТОР ЕРМАКОВ.

Утром солнце показало на небе свой золотой луч. Посылает нежный поцелуй проснувшемуся городку. Над этим городком высоко воздвигнут, на скалистой

горе, как белый лебедь, Петро-Павловский монастырь. Как хорошо и очаровательно это место, когда стоишь на монастырской скале, которая огорожена густым лесом. Отсюда видны небольшие домики ближайших сел. Высоко и стройно стоят трубы Горно-Ореховских фабрик, над которыми темным туманом растилается дым, покрывая прилегающие поляны. Домики городка похожи на весенние цветы, цветущие между сочной травой. Окидываешь взором все и невольно останавливаешься на серебрянном канте — небольшой речке Янтаря.

Вот здесь и обитают казаки хутора Ермакова более десяти лет. За эти годы каждый казак изучил, как пять пальцев, всю землю этого городка. В зимнее время в две лопаты копают землю под виноградники. Не одна сотня декаров земли перевернута казачьими руками и не одна сотня жителей этого городка уже снимают сочные плоды винограда, посаженного и обработанного их руками. Тяжелый, физический труд в последние годы обесценен, т. ч. с большим трудом зарабатываешь насущный кусок хлеба.

Некоторые семейные казаки берут в аренду землю, сеют подсолнухи, кукурузу и др. злаки. Некоторые ранней весной покупают маленьких поросят и кормят их в продолжении лета травой и отрубями. Тяжело кормить, но приходит Рождество, режут кабанов и забывают трудную и тяжелую работу...

В прошлом году три семейных казака попробовали взять в аренду виноградник. Виноград уродился хороший. Пришли купцы, но в цене не сошлись. Казаки решили придержать, с надеждой, что будет лучше цена. Но на их горе вино стало дешеветь. Что тут делать? Виноград стоит на корне. Нужно резать на вино, а бочек нет. Но, когда казак унывал? С большим трудом все же нашли бочки в городке. Пришла зима. В бочках вино, в кадке засоленный кабан. Душе веселе...

На Рождественские праздники казаки знают, у кого есть свое вино. Приходят поздравить с праздником Рождества Христова и говорят: А ну-ка, Михайло, дай там своего, кубанского! Или: Николай, ну-ка, налей там цымлянского или раздорского!..

Есть здесь у нас и не женатые казаки. Вот живет более десяти человек на квартире у одного хозяина. Два хуторца с хутора Дуванова, станицы Гундоровской, зимнее время режут дрова, а летом — откапывают виноград, косят траву и хлеб собственными косами. Квартира чистенькая, так что не каждая женщина может держать так чисто квартиру, как держат они. В прихожей комнате висят топоры, пилы, косы, молотки и все другие принадлежности. В другой комнате самодельные кровати. На кроватях теплые тюфяки, подушки, чистенькие простыни. Чистенькие стекла в окнах. Самодельные стулья с надписью. Чугунная печка совсем маленькая, хоть в карман положи, но зато хорошо согревает комнату и быстро варит пищу. Стряпают тоже сами — утрут любой казачке нос... В комнате стоят два небольших сундука с новыми вещами. Круглый, самодельный стол, а в углу два кувшина с водой, заткнутых деревянными пробками. Жители городка считают их братьями, т. к. они оба носят длинные усы и ходят в сапогах.

Есть здесь и казаки инвалиды противобольшевицкой войны. Они занимаются починкой обуви, т. к. инвалиду, скажем, без ноги трудно найти какую либо работу.

Один казак Филоновской станицы, много лет пасет овец. Денег за это не получает, а берет хлебом и вином, так что травяная кубышка наливается чаще вином, чем водой...

Есть еще один пожилой казак Кубанского Войска, ст. Баталпашинской Яков Укленн — 78 лет. Злая судьба бросила его в чужую землю. Нам, молодым, легче переносить изгнание, чем ему, старику. Настроен старик бодро и просил меня, чтобы я через журнал передал его голос станичникам Баталпашинцам.

Так говорит старик: не желаю молча умереть в чужой земле. Передаю моим станичникам Баталпашин-

цам земной поклон. Пусть терпят и не забывают свою Большую Кубань. Мне 78 лет, я с трудом добываю себе пропитание и все же не теряю надежды и желательного бы мне видеть нашу родную и свободную Кубань... Где же наши Войсковые Атаманы, где-же Деникины и Миллеры? Почему они теперь о нас не думают?... А когда то мы им были нужны. Теперь — нет. И ты, казак-старик, ступай с сумой на плечах под окнами просить хлеба. Единонеделимцам не нужны старые и дряхлые казаки. Им нужны молодые и здоровые... Но, нет, теперь казаки больше на Москву не пойдут, им Москва не нужна, а нужна только родная матушка Казакия...

Вот чем казаки хутора Ермакова занимаются. Тяжело и горько жить на чужбине, но не грустит казак. Как сошлись, о домашнем деле поговорили и разговор сойдет на другое. Один рассказывает, как бывало на Дону, другой — как на Кубани... И веселыми расходятся.

Наша спайка вызывает зависть у русаков. Они величают нас даже большевиками, несмотря на то, что их казаки в свое время взяли в плен, как большевиков. Говорят, что и самостоятельность казачья новое, заграничное явление.

Жалко, что еще есть такие казаки, которые, развесив уши, их слушают. Я ведь хорошо помню 1918 год, когда казаки выступали в своих родных хуторах и станицах и говорили: выгоним большевиков из своей родной земли за границу! Оно так и было первое время. Но когда подчинились Деникину, то он потянул на Москву.

В октябре месяце 1919 года я прибыл раненным в свой хутор Александров. Пришел ко мне Денис Пятницков, лет на 12 старше меня. В Европейскую войну он служил в 19 полку. Дениса знают, как бойца и кулачника на всю Чертковскую станицу. Когда весной выезжают, бывало, на табунную толоку всей станицей косить траву хутора — Чекалов, Савостьянов, Парамонов, Николаев, Нифатов, Александров, Суворов, Великанов и станица, то из девяти хуторов никто не мог выйти один против него. Был он крепкого телосложения, а главное — левша...

Так вот, Денис Пятницков вернулся из госпиталя после тифа и говорит мне: Никита, если поедешь в 62-ой наш конный полк, то скажи Филиппу Акимовичу, что я воевать больше не буду. Я с недоумением посмотрел на него и спрашиваю: Как же так? Не были первые с Филиппом выступали на Морозовскую воевать? А теперь, что-же? Мамонтов скоро Москву возьмет и мы должны помогать!..

Денис махнул рукой и говорит: мы выступали первыми, чтобы выгнать большевиков с своей земли. Так и сделали, решили и выгнали, но дальше границы нашей Донской — не ходить! Впоследствии нас обманули и подчинили Деникину, а Деникину нужна Москва. Я был в Ростове и Новочеркасске и видел, что там делается. Все российские помещики и губернаторы гуляют в ресторанах и ждут, когда казаки возьмут Москву. Поэтому, я воевать больше не буду... Пусть меня расстреляют в хуторе, но на фронт не пойду...

Когда я прибыл в полк, то передал поручение Дениса по назначению. Тот, как и я, удивился и сказал, что Мамонтов скоро Москву возьмет, мы должны серьезно помогать. Я сказал Филиппу, что говорил об этом Денису...

После драки с Махно мы очутились 9-го января 1920 года на Перекопе. Там я вспомнил Дениса и признал, что он был прав, что не хотел воевать за чужие интересы. Денис шел воевать только за свою родную землю. Денис был не один. Многие не хотели идти на Москву.

Пусть скажут мне казаки, которые еще слушают здесь русских, что так не было на родной земле. Что большинство не думало так, как Денис...

Пусть же скажут своим друзьям — русакам, что самостоятники были и родились на родной нашей земле Казакии, а не за границей...

Наш великий богатырь, Атаман Ермак Тимофеевич, разгромил Сибирское царство. Пусть же наш хутор имени Ермака своей спайкой и дружбой разгромит все злые и гнусные на нас нападки.

Н. Пискунов.

Розыск :

Василий Васильевич Самсонов, каз. В.В.Д. станицы Мигулинской, хутор Наголинской, розыскивает хуторцов и просит отозваться по адресу:

B. Samsonow, P. Polognka k/Lucka. Pologne.

Казак ВВД, ст. Богоявленской Эраст Галктнонович Семенцов розыскивает своего двоюродного брата Гавриила Михайловича Семенцова, той же станицы.

Просит откликнуться по адресу:
Pologne, m. Pinsk ul. Pilsudskiego, 137. S. Zmijew.

На Дальнем Востоке

В день выхода настоящего номера в Париже получены первые известия о попытке военного переворота в Японии. Парижская газета «Пари Суар» пишет по этому поводу:

«Токийские события могут иметь международные последствия. Успех переворота был бы торжеством японского милитаризма и началом военных действий на Дальнем Востоке — в Китае, Монголии и, возможно, даже в Сибири. В результате, Япония может очутиться лицом к лицу с Россией и отголоски этой встречи докатятся, несомненно, до Европы...»

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кр.	80 кр.	5 кр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)